

РАЗВОД НЕВОЗМОЖЕН? ПРИДЕТСЯ УМЕРЕТЬ!

КРИСТИНА ЮРАШ

Кристина Юраш

**Развод невозможен.
Придется умереть.**

«Автор»

2026

Юраш К. Ю.

Развод невозможен. Придется умереть. / К. Ю. Юраш —
«Автор», 2026

Я попыталась изменить будущее — и всё стало только хуже. Теперь я еду на собственные поминки под именем и в невзрачной внешностью своей пропавшей кузины. Я хочу своими глазами увидеть, как мой муж, герцог-дракон Эремон Генфер, оплакивает смерть жены, в которой виноваты он и его семья. Древняя традиция встречи невесты дважды превратилась для меня в издевательство. Его мать требовала переписать на них моё приданое. Его сёстры требовали, чтобы я извинялась перед ними на коленях. А он верил им, потому что они — «его семья». А жена разве не семья? К счастью, я успела подготовить свой «побег». И теперь буду реветь на собственных поминках, надеясь только на одно: что муж меня не узнает. Почему богатейшие люди так отчаянно хотели лишить молодую жену её собственных денег и возможности уехать? И почему мой вдовец так странно смотрит на меня?

© Юраш К. Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ	6
Глава 1	9
Глава 2	11
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	18
Глава 6	20
Глава 7	21
Глава 8	22
Глава 9	24
Глава 10	26
Глава 11	27
Глава 12	29
Глава 13	30
Глава 14	31
Глава 15	33
Глава 16	35
Глава 17	37
Глава 18	39
Глава 19	41
Глава 20	43
Глава 21	45
Глава 22	47
Глава 23	48
Глава 24	50
Глава 25	52
Глава 26	53
Глава 27	54
Глава 28	56
Глава 29	58
Глава 30	59
Глава 31	60
Глава 32	61
Глава 33	63
Глава 34	64
Глава 35	65
Глава 36	66
Глава 37	68
Глава 38	70
Глава 39	72
Глава 40	74
Глава 41	76
Глава 42	78
Глава 43	79
Глава 44	81
Глава 45	83

Глава 46	85
Глава 47	86
Глава 48	87
Глава 49	89
Глава 50	90
Глава 51	91
Глава 52	92
Глава 53	93
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Кристина Юраш

Развод невозможен. Придется умереть.

ПРОЛОГ

— Ишь ты какая неженка! Чуть что сразу в слезы! Сразу видно, что столичная! Это древняя традиция нашего рода. Тебе, дурочка, желают, чтобы всё в жизни было сладко... И чтобы счастье само липло к тебе!

Я смотрела на женщину, которую со вчерашнего дня должна была называть матушкой, и никак не могла понять, почему она улыбается.

Сладкая вода всё ещё стекала с моих волос за ворот свадебного платья, холодными дорожками пробиралась под корсаж и собиралась между лопаток. Белый шёлк, ещё несколько часов назад лежавший вокруг ног лёгкими воздушными складками, отяжелел и облепил колени.

Сахар начал подсыхать, неприятно стягивая кожу на шее и запястьях.

Поверх мокрой ткани налипли перья: крупные застряли в волосах и кружеве, мелкий пух сидел на ресницах, груди, рукавах и даже на бриллиантовом браслете, который муж этим утром, перед отъездом, собственноручно застегнул на моей руке.

Я машинально подняла пальцы к виску и тут же пожалела.

Рана отозвалась такой острой пульсирующей болью, что перед глазами снова поплыло.

Сын дворецкого, которому поручили опрокинуть на меня ведро со сладкой водой, слишком размахнулся, испугался моего крика и попытался резко отдернуть руки. Деревянный край вскользь ударил меня по голове, рассёк кожу и едва не сбил с ног.

Теперь на белой перчатке проступало красное пятно, а мальчишка, всё ещё стоявший возле кареты с пустым ведром, выглядел единственным человеком во дворе, которому происходящее перестало казаться забавным.

— Простите, ваша светлость, — пробормотал он, втягивая голову в плечи и виновато поглядывая на кровь. — Я правда не хотел вас задеть.

Мне хотелось сказать ему, что я понимаю. Что он ребёнок и виноват меньше всех. Но перед парадной лестницей собралось столько народа, что слова застряли в горле вместе с пригорным вкусом сахара.

Нарядные женщины стояли возле колонн, мужчины держали бокалы, дети выглядывали из-за взрослых, а обе сестры мужа заняли места рядом с матерью.

У ног младшей до сих пор стояла большая корзина, из которой несколько минут назад в меня летели перья. Никто даже не пытался делать вид, будто всё получилось случайно.

Меня ждали, приготовили воду, пух, созвали гостей и, судя по сияющему лицу свекрови, получили именно то зрелище, на которое рассчитывали.

Я медленно оглядела себя, чувствуя, что едва сдерживаю слезы.

Над этим платьем модистка работала два месяца. Вчера для столичного венчания на мне был другой наряд; этот белый шёлк готовили специально для второго дня свадьбы в родовом замке Генферов. Сегодня утром модистка едва не плакала, поправляя шлейф и уверяя, что ещё никогда жемчуг не оттенял кожу молодой герцогини так удачно.

Теперь жемчуг забился пухом, подол лежал на мокром камне тяжёлой бесформенной массой, а по груди расплзлось розоватое пятно — вода смешивалась с кровью, которая продолжала течь из рассечённого виска. Наверное, со стороны я действительно выглядела смешно.

Именно эта мысль унизила сильнее всего.

— Значит, перья нужны, чтобы счастье ко мне липло? — переспросила я, заставляя себя смотреть на свекровь, а не на смеющихся гостей.

Она удовлетворённо кивнула, будто наконец дождалась от меня правильной реакции.

— Конечно, милая. Сладкая вода желает молодой жене сладкой семейной жизни, а пух — чтобы благополучие и счастье прямо липли к ней. Так встречали невест нашего рода ещё до того, как ваша столица перестала быть деревней! — заметила свекровь с той же улыбкой.

Старшая сестра мужа тихо рассмеялась, и несколько человек возле лестницы поддержали её. Я снова приложила пальцы к виску. Свежая кровь окрасила перчатку, и я подняла дрожащую руку, показывая её свекрови.

— А это что должно означать? — выдохнула я, глядя в её зелёные глаза.

На этот раз смех стих не сразу. Свекровь скользнула взглядом по моей руке и поморщилась не от вида крови, а скорее от досады: неприятная случайность грозила испортить тщательно устроенное развлечение.

— Сразу видно, что столичная штучка! Изнеженная вся! — повторила она и повернула голову к мальчишке. — В следующий раз ведро держи крепче. Молодые герцогини у нас, оказывается, от любой царапины в обморок готовы падать и скандал устраивать!

Мальчик опять пробормотал извинение, но она уже потеряла к нему интерес.

Я же почему-то продолжала ждать. Хотя бы раздражённого приказа принести воду и полотенце.

Хотя бы предложения позвать лекаря.

Хотя бы одного человека, который скажет, что хватит смеяться.

До сих пор я была готова списать всё на нелепый старый обычай, на провинциальную грубость, на неудачу с ведром. Мне хотелось найти им оправдание, потому что иначе пришлось бы признать: семья мужа действительно решила встретить меня унижением.

Никто оправдываться не собирался.

— Кровь увидела — уже лицо белое, словно вот-вот в обморок упадет, — продолжала свекровь, с нескрываемым неодобрением рассматривая меня. — Как ты детей рожать собралась, если при виде крови у тебя лицо как у покойницы?

От неожиданности я даже не сразу поняла смысл сказанного.

— Простите? — прошептала я, понимая, что все гости дружно смеются надо мной. Мои зубы стучали, я хотела себя ущипнуть, закрыть глаза и проснуться, например, в карете...

— Что слышала. Или вы там, в столице, теперь одного рожаете и считаете, что долг перед мужем исполнен? Фигуру бережёте, чтобы на балах платья лучше сидели? — спросила свекровь насмешливо. — Тоже мне! Моду взяли!

Младшая сестра прыснула, прикрывая губы пальцами. Несколько женщин у колонн переглянулись, но никто не сделал попытки остановить этот разговор.

У меня вспыхнули щёки. Вчера в столице я произнесла брачную клятву и стала герцогиней Генфер, но по старому обычаю рода первая брачная ночь откладывалась до завершения второго дня свадьбы в родовом замке. Поэтому я ещё ни разу не просыпалась рядом с человеком, которого уже называла мужем, а его мать сейчас обсуждала перед десятками людей, сколько детей я обязана ему родить.

— Я не собираюсь говорить об этом при посторонних, — выговорила я, изо всех сил удерживая голос ровным.

Свекровь искренне удивилась и обвела тростью собравшихся родственников.

— Какие же они посторонние? Это семья. Теперь и твоя, между прочим. Привыкай. Род у нас большой, и у тебя семья будет большой. Мой сын наследует основную ветвь, одним ребёнком тут не отделаешься.

«Не отделаешься».

Два слова легли тяжелее остальных. Будто речь шла не о будущих детях, не о нашей с мужем жизни и даже не обо мне самой, а о повинности, заранее назначенной новой женщине рода. Я отвернулась и посмотрела на окна огромного серого дома.

Где-то там должен был находиться муж. Герцог Эремон Генфер.

Сегодня утром, перед тем как я должна была отправиться в родовой замок на второй день свадебных торжеств, Эремон сказал, что полетит вперёд драконом, пока я буду добираться каретой.

Он хотел предупредить родных о времени моего приезда и проверить, всё ли готово к встрече новой герцогини. По тому же старому обычаю у ворот молодую жену встречали женщины рода, а муж должен был ждать её уже внутри, в большом зале. Вчера эта деталь казалась мне красивой частью церемониала, поэтому я и не ждала Эремона на крыльце.

Когда на меня вылили воду, я впервые пожалела, что обычай оставил меня у крыльца наедине с женщинами его семьи. После удара ведром уже искала Эремона глазами в окнах, хотя знала: по правилам он должен ждать в зале. Даже когда сёстры начали осыпать меня перьями, какая-то глупая часть всё ещё верила, что муж услышит крики, нарушит собственную традицию и выйдет. Мне казалось, достаточно ему увидеть происходящее — и веселье закончится.

Теперь мне стало почти стыдно за собственную уверенность. Я знала этого мужчину совсем недолго и уже успела решить, что рядом с ним мне нечего бояться.

— Где мой муж? — дрогнувшим голосом спросила я, продолжая смотреть на окна.

Глава 1

Свекровь немного приподняла брови, будто сам вопрос показался ей странным.

— А зачем он тебе понадобился? — усмехнулась она.

От этой формулировки стало не по себе. Не «сейчас позову», не «он занят», а именно «зачем». Словно после брачной церемонии мне уже требовалась уважительная причина, чтобы увидеть собственного мужа.

— Я хочу с ним поговорить, — ответила я, стараясь не смотреть на его сестёр. Обе следили за нами с одинаковыми улыбками, и мне всё сильнее казалось, что единственная здесь не знает правил этой странной игры именно я.

Свекровь уже собиралась отвернуться, давая понять, что вопрос закрыт.

— За столом наговоритесь. Гости и так ждут, пока ты закончишь капризничать.

Капризничать? Вот как это называется?

Я не позволила ей уйти.

— Нет. Мне нужен он сейчас! Я шагу не сделаю, пока с ним не поговорю!

Резкость собственного голоса неприятно ударила по слуху. Я редко позволяла себе так говорить со старшими, тем более с матерью мужа, но сладкая вода продолжала стекать под корсаж, висок болел, а мокрые перья липли к коже при каждом движении. Воспитание, которым я гордилась всю жизнь, впервые показалось совершенно бесполезным.

Свекровь медленно повернула ко мне голову. По тому, как изменилось её лицо, я поняла: впервые за весь вечер сказала не то, чего от меня ожидали.

Старшая сестра мужа негромко хмыкнула.

— Не успела из кареты выйти, а уже жаловаться брату собралась. Сразу видно, что в столице совсем забыли о покорности! Раньше женщин воспитывали в покорности старшим. А она еще смеет перечить! Вы только поглядите на нее! Устроила скандал из-за древней традиции!

Я перевела взгляд на неё.

— Вам действительно кажется смешным то, что со мной сделали? — произнесла я, чувствуя, как у меня дрожит всё тело.

Она посмотрела сначала на меня, затем почти незаметно — на мать. Этого короткого взгляда хватило, чтобы почувствовать себя ещё более чужой. В этой семье уже существовали правила: кто имеет право говорить, кому можно возражать, над кем позволено смеяться и когда нужно замолчать. Я одна приехала сюда, не выучив их.

— Первый день в доме, — заметила свекровь, окончательно теряя доброжелательный тон, — а ты уже успела испортить настроение половине гостей. Люди приехали на второй день вашей свадьбы с хорошим настроением, а ты его портишь!

— Я ещё даже не вошла в дом, — прошептала я.

— Тем более! — Глаза свекрови вспыхнули.

— Мне... мне разбили голову, — задохнулась я от подступивших слез.

Свекровь устало прикрыла глаза, словно я в сотый раз возвращалась к мелочи, которую давно пора было забыть.

— Мы снова об этом?

Вот тогда последняя надежда на недоразумение исчезла. Они видели кровь. Видели, что мне больно. Прекрасно понимали, что происходит. Просто ни то ни другое не казалось им причиной прекращать веселье.

— Я не потерплю к себе такого отношения! — произнесла я, чувствуя, как злость наконец вытесняет из голоса дрожь.

Свекровь выпрямилась и посмотрела на меня уже без улыбки.

— Какого именно отношения? — удивилась она, глядя на меня с нескрываемым удовольствием.

Я перевела взгляд с её лица на своё платье, потом на кровь и прилипшие к рукавам перья.

— Вы серьёзно хотите, чтобы я перечисляла? — выпалила я.

— Глядите-ка! Решила показать свой характер! Запомни, милая. Характер женщине не нужен. Он нужен только мужчине, — громко произнесла свекровь, указывая рукой на меня. — Я хочу понять, что именно тебя оскорбило. Пока я вижу женщину, которая приехала в древний дом и с первых минут решила показать, насколько она выше его обычаев.

— Не называйте издевательство обычаем! — закричала я, зажимая рану на виске.

Во дворе стало тихо.

Свекровь побледнела, а пальцы крепче обхватили серебряную голову дракона на трости.

— Следи за словами! — высокомерно огрызнулась она.

— А вы следите за тем, как обращаетесь со мной! — сквозь подступающие слезы выпалила я.

Голос всё-таки дрогнул, и от этого я разозлилась ещё сильнее — уже на себя. Глаза жгло. Я резко моргнула, не желая доставлять этим людям ещё одно развлечение.

— Герцог не позволил бы вам обращаться со мной так, — сказала я и сама услышала, сколько надежды осталось в этих словах.

Свекровь вдруг рассмеялась. Не весело, а почти удивлённо, словно я только что уверенно произнесла очевидную глупость.

— Не позволил бы?

Холод прошёл по спине.

— Что вы хотите сказать? — прошептала я, слыша, как гости обсуждают меня и мое воспитание.

Глава 2

— Ничего особенного. Мой сын специально прилетел раньше, чтобы предупредить нас о твоём приезде. Иначе как, по-твоему, мы успели бы подготовиться? — развела руками свекровь. — Так что он прекрасно осведомлен про древний обычай. И всё это сделано с его позволения!

Я попыталась вдохнуть глубже, но воздух будто застрял под рёбрами. Пальцы сами сомкнулись вокруг браслета, и край застёжки впился в кожу.

Смысл дошёл не сразу.

Потом взгляд сам нашёл валявшееся возле колеса кареты ведро, корзины с перьями, собравшихся гостей.

Подготовиться.

— Он сообщил вам, когда я приеду? — произнесла я, покачнувшись, словно ее слова выбили у меня почву из-под ног.

— Разумеется. Ты ехала каретой, он летел. Для чего, по-твоему, ему понадобилось торопиться? — рассмеялась свекровь.

Я вспомнила утро. Муж уже переоделся для дороги, когда пришёл проститься. Сам проверил застёжку подаренного браслета, провёл большим пальцем по запястью и поцеловал меня в висок.

«Увидимся дома».

Мне понравилось это слово. Всю дорогу я несколько раз повторяла его про себя, представляя новый дом. «Ты им понравишься!», — улыбался муж, когда я переживала, как пройдёт знакомство с его родней.

— Он знал про сладкую воду? — спросила я, хотя уже боялась услышать ответ.

Свекровь посмотрела с откровенным недоумением.

— Это традиция его собственного рода. Разумеется, знал. И про перья тоже, прежде чем ты опять спросишь! — произнесла свекровь, а губы ее искривились.

Мне всё равно пришлось закончить.

— И ничего мне не сказал? — Я спрятала лицо в руках.

Пауза была совсем короткой, но именно она ответила раньше слов.

— Значит, счёл ненужным.

Вот и всё.

Он просто счёл ненужным предупредить жену, что её новая жизнь начнётся с ведра сладкой воды, перьев и смеха десятков людей, которые пришли посмотреть на ее унижение.

Я опустила глаза на браслет. Бриллианты сияли так же ярко, как утром, только теперь между камнями застряли белые пушинки, а возле застёжки темнела кровь. Перед отъездом я долго рассматривала подарок ко второму свадебному дню и спросила мужа, зачем он заказал для меня такую дорогую вещь сразу после венчания. Эремон улыбнулся и ответил: «Потому что теперь ты моя жена. И я хочу, чтобы у тебя не осталось сомнений, насколько я этому рад».

Тогда мне стало тепло.

А теперь хотелось сорвать браслет и бросить его на ступени.

Первая слеза всё-таки скатилась по щеке. Я стёрла её слишком быстро, будто можно было убедить остальных, что ничего не произошло. Младшая сестра заметила и наклонилась к старшей. Обе улыбнулись.

— Глядите-ка! Она плачет! Вон слезки капаят! — хихикнула младшая. — Сейчас еще скажет, что мы довели ее до слез! Ой, бедненькая! Довели ее!

Что-то внутри меня оборвалось.

— Я уезжаю, — крикнула я, сжав кулаки.

Свекровь нахмурилась.

— Куда ты собралась на ночь глядя, когда уже стол накрыт? — спросила она, а я закрыла глаза, пытаюсь собраться с мыслями.

— Домой, — процедила я, чувствуя, как дрогнули губы.

— Ты уже дома. Так что хватит выпендриваться. И быстро заходи внутрь! — огрызнулась свекровь.

Я посмотрела на распахнутые двери за её спиной. Ещё несколько минут назад собиралась войти туда, найти мужа, поговорить и всё исправить. Теперь сама мысль переступить порог вызвала отвращение.

— Нет. Это не мой дом, — медленно произнесла я, делая шаг назад. — Дома так с людьми не поступают!

На лице свекрови появилось неподдельное изумление, будто собственное мнение внезапно обнаружилось у вещи.

— Что ты сказала?

Глава 3

— Я... я сказала, что не войду туда! Я возвращаюсь в столицу! — крикнула я, чувствуя, как голова кружится.

Я подхватила мокрую юбку и направилась к карете. Сироп склеил нижние слои, тяжёлый шёлк с трудом поддавался рукам, но меня уже не волновало, насколько нелепо я выгляжу.

Позади ударил о камень наконечник трости.

— Ишь ты! А я сразу предупреждала сына насчёт столичных невест! Там балы, наряды, театры, любовники, а здесь внезапно выясняется, что у замужней женщины существуют обязанности перед семьёй! — послышался голос за спиной.

Я продолжала идти, пока слова летели в спину. Остановилась только возле нижней ступени и обернулась.

— Я уезжаю не из провинции. Я уезжаю от вас. От людей, которые считают, что унижение других — это забавно! — крикнула я, представляя, как возвращаюсь домой, в своё поместье, как вызываю поверенного и пишу письмо, в котором требую развода.

Смех прекратился.

До кареты оставалось всего несколько шагов. Я видела тёмную обивку внутри, собственный дорожный плащ на сиденье и уже представляла, как захлопну дверь, прикажу кучеру ехать. Как можно скорее! Подальше отсюда!

А потом поговорю с мужем. По поводу древних традиций и гостеприимства!

Перед дверцей кареты встал чужой лакей. Я шагнула вправо, но мужчина повторил движение, не давая мне пройти.

— Отойдите, — сквозь зубы потребовала я, стараясь говорить спокойно.

Он виновато опустил взгляд.

— Ваша светлость, я не могу. Мадам сказала, что вы никуда не уедете! Вы уже дома!

Рядом появился второй слуга, затем третий. Никто не хватал меня и не угрожал. Они просто сомкнулись между мной и каретой так, что пройти стало невозможно.

Я обернулась к лестнице.

— Прикажите им отойти! — в отчаянии закричала я.

Свекровь уже успела вернуть прежнее спокойствие, и оно понравилось мне гораздо меньше крика.

— Сначала перестань устраивать сцену. Посмотри, ты опозорила нас перед соседями и приглашенными.

— Сцену устроили вы. Я хочу уехать, — трясясь от ярости, кричала я.

— Никто тебя не удерживает, дорогая, — в голосе свекрови проскользнула насмешка.

Я посмотрела на мужчин между мной и каретой, потом снова на неё.

— Тогда скажите им пропустить меня! — взвизгнула я, понимая, что унижение ещё не закончилось. Оно только началось.

Вместо ответа она указала тростью куда-то за мою спину.

— Карету уже распрягают. А ты сейчас же идешь в зал, где тебя все ждут!

Я резко повернулась и только теперь заметила конюхов возле передней пары. Один снимал ремни упряжи, второй уже уводил лошадь.

— Что они делают? — прошептала я, понимая, что никуда не уеду.

— Выполняют распоряжение хозяина дома. После долгой дороги лошадей велено поставить в конюшню и не трогать до утра. Особенно из-за капризов какой-то столичной штучки. Мы, провинциалы, умеем ценить лошадей. Мы не загоняем их, как вы. Так что это — приказ хозяина дома.

Хозяина дома.

Моего мужа.

Пальцы вдруг похолодели. Я сжала их в кулак, но это не помогло.

В распоряжении не было ничего странного. Лошади действительно устали, конечно, им требовался отдых. Муж вполне мог позаботиться об этом заранее.

Только почему-то именно сейчас мне стало по-настоящему страшно.

Он сообщил время приезда. Знал о встрече. Распорядился убрать карету. Сам не появился.

Каждую деталь отдельно можно было объяснить. Вместе они складывались во что-то, чему я пока боялась подобрать название.

— Запрягите обратно, — приказала я конюхам.

Они остановились, но посмотрели не на меня. Они смотрели на свекровь.

— Я сказала запрячь лошадей! — я повторила приказ, видя, что никто из них даже не пошевелился.

Старшая сестра мужа спустилась со ступеней и приблизилась с той откровенной улыбкой, которую больше не считала нужным скрывать.

— Ишь какая командирша. Вчера получила фамилию брата, а сегодня уже решила, что весь дом должен плясать по её приказу. Значит, домой собралась, дорогулечка?

— Да, — твердо ответила я.

— С приданым? — ехидно заметила сестра.

Вопрос был настолько нелепым, что я сначала решила, будто неправильно услышала.

— При чём здесь моё приданое? — Я посмотрела на гостей и свекровь.

— А ты думала, можно вчера выйти за нашего брата, сегодня обидеться и увезти всё обратно? — спросила сестра мужа, глядя на меня с улыбкой. — Нет, дорогулечка, так дела не делаются. Приданое уже принадлежит нашей семье. Так что приданое ты оставишь здесь.

— Моё имущество не имеет отношения к тому, остаюсь я здесь или нет, — ответила я, видя, как она смеется мне в лицо.

— Теперь имеет. Ты замужем, — негромко произнесла она, сощурив глаза.

Она произнесла последнее слово так, словно оно отменяло всё, что принадлежало мне ещё позавчера.

— А ничего, что мой покойный отец закрепил приданое за мной?! И оно не принадлежит вашей семье?! — произнесла я, глядя на ее чистенькое голубое платье. — Это мои деньги. И только я имею право распоряжаться ими. Неважно, в браке я или нет!

Эти слова прозвучали как гром среди ясного неба. Свекровь побледнела, а сестры переглянулись. Гости стали о чем-то шептаться, глядя то на меня, то на свекровь.

— Значит так. Мы сильно поиздержались на свадьбу, — произнесла свекровь. — Побольше, чем твоя семья. Поэтому ты ещё осталась нам должна. Или ты думала, мы бесплатно всё организовали?

Она указала рукой на дверь.

— Эта свадьба, между прочим, вылилась нам в кругленькую сумму. Это вы, столичные, разбрасываете деньги направо и налево! Вам не привыкать! Туда, сюда! Транжируйте их! А у нас в провинции денежки счет любят, — произнесла свекровь. — Так что переписывай приданое на нас. В качестве компенсации за испорченную тобой свадьбу.

Вот тогда я посмотрела на неё, на мать, на людей, которые всё слышали и не казались удивлёнными.

— И не подумаю. Мало того, что вы меня опозорили. Теперь хотите еще и ограбить? Так у вас в провинции это называется? — спросила я, стиснув зубы.

Улыбка моментально слетела с губ сестры. Она бросилась на меня и схватила меня за запястье. Пальцы легли прямо поверх браслета и вдавили камни в кожу.

— Не смей говорить так о нашем роде. Мы — уважаемая семья в округе! И чтобы какая-то столичная называла нас «ворьём»... Это уже слишком! Быстро извинись перед матушкой! И перед гостями!

Я дёрнула руку, пытаюсь высвободить ее.

— Отпусти, — прошипела я, чувствуя, как в меня впиваются ее ногти.

Она сжала сильнее.

Я повторила требование, но теперь уже понимала: отпускать меня не собираются. Тогда свободной рукой толкнула её в плечо. Не для того, чтобы причинить боль — просто хотела освободиться. Однако подошва сестры скользнула по мокрому камню, и она с криком отшатнулась.

Не упала. Даже не ударилась. Просто отклонилась назад, резко разжав пальцы.

— Как ты посмела поднять руку на мою дочь?! — послышался крик свекрови. И теперь в нем была ярость. — Ирианна, доченька, ты цела? Она тебя сильно ударила?

Глава 4

Она тут же подлетела к дочери и обняла её. Я увидела кровавый след от моей руки на дорогом корсете. Свекровь что-то шептала дочери, которая рыдала так, словно я действительно избила её. А потом подняла на меня глаза. Этот взгляд, это выражение лица на несколько мгновений лишили меня дара речи.

— Она первая меня схватила! — холодно произнесла я.

— В моём доме, перед моими гостями ты толкнула сестру собственного мужа! — прошипела свекровь. — Знаешь, что он с тобой сделает, когда узнает о том, как ты толкнула его любимую сестричку и испортила ей платье?!

Что-то внутри наконец лопнуло.

— А что ваш дом делает со мной?! — закричала я ей в лицо.

Собственный крик разнёсся по двору, и впервые я не попыталась сделать голос тише.

— Меня облили сладкой водой! Мне разбили голову! Засыпали перьями! Вы обсуждаете перед посторонними, сколько детей я должна родить вашему сыну! Ваша дочь требует моё имущество, а слуги не дают мне пройти! Как вы вообще смеете после этого возмущаться моим поведением?! — перечисляла я, задыхаясь от ярости.

На щеках свекрови выступили красные пятна. Я видела, как задергался ее глаз.

— Потому что всё, кроме твоей истерики, является древней традицией нашего рода! Другая бы уже давно улыбнулась и прошла в зал, но нет! Вот что я тебе скажу: если ты не чтить древние традиции, то в этом доме не уживёшься! — закричала она, а за её спиной вторая сестра обнимала первую и слышались всхлипы.

— Мне плевать на вашу древнюю традицию! — мертвым голосом произнесла я.

Гости ахнули так дружно, будто первое неприличное событие за весь вечер произошло именно сейчас. Меня можно было облить, высмеять, рассечь мне висок, обсуждать моё тело и приданое — это считалось весёлым семейным обычаем. А сказать вслух, что мне не нравится происходящее, оказалось преступлением!

— А теперь встань на колени вот здесь и извинись перед всеми присутствующими! За свое дурное воспитание и ужасное поведение! — приказала она так, словно имела на это право. — Не просто передо мной, но и перед дочерью, и перед гостями: за хамство, за истерику, за оскорбление рода.

Я всё ещё надеялась, что услышала не до конца, когда она указала тростью на камень перед собой.

— На колени.

Слова прозвучали негромко. Именно поэтому стали страшнее.

Я посмотрела на неё, потом на гостей. Никто не удивился. Пожилая женщина возле колонны даже одобрительно кивнула, словно требование было совершенно справедливым.

И тогда я наконец поняла смысл всей встречи. Не пожелание счастья. Не шутка. Даже не унижение ради развлечения. Проверка.

Они хотели узнать, сколько я позволю с собой сделать. Можно ли облить меня и заставить улыбнуться. Можно ли обсуждать моё тело. Схватить за руку. Потребовать имущество. Объявить виноватой, когда я попытаюсь защищаться.

Сегодня от меня требовали встать перед ними на колени.

Если я сделаю это сейчас, завтра никому уже не придётся объяснять, где моё место.

— Не стану, — произнесла я, выпрямляясь, хотя висок пульсировал, ноги дрожали, а мокрое платье тянуло вниз. — Я не стану перед вами на колени. И не останусь здесь ни одной минуты.

Свекровь долго смотрела на меня, а потом неожиданно успокоилась.

— Хочешь уехать — езжай. Никто тебя здесь не держит. Но расходы на свадьбу ты нам возместишь! Всё до последнего золотого!

Свекровь принялась перечислять: украшение дома, приём, музыканты, ужин, вино, подготовка моих комнат, новая прислуга, подарки гостям, лошади. На моё напоминание, что я тоже оплачивала свадьбу из денег, которые достались мне по наследству, она только заметила, что это была «моя часть». И она не считается.

— Твоего приданого, конечно, не хватит, чтобы покрыть всё, — закончила она почти ласково. — Но мы сегодня добрые. Отдаёшь приданое, а остаток долга так и быть простим.

Теперь стало ясно, что разговор о приданом не возник случайно. Они знали его размер. Земли. Столичный дом. Деньги.

На несколько мгновений я перестала чувствовать и холод мокрого платья, и пульсацию в виске. Будто тело решило замереть раньше, чем я успела до конца понять, что именно услышала.

Обсуждали всё это ещё до моего приезда. Возможно, ещё до вчерашнего венчания. Но меня удивляло другое. Герцог тоже был богат, и его состояние было намного больше моего.

— Вы хотите забрать всё, что у меня есть, за право отсюда уехать? — спросила я и впервые услышала в собственном голосе настоящий страх.

Свекровь устало посмотрела на меня.

— Женщина не входит в наш род на один день, чтобы потом передумать и вынести обратно всё, что принесла, — высокомерно произнесла она. — Ты даже в подмётки не годишься моему сыну. Ты какая-то там баронесса.

Она скривилась, словно я — посудомойка, подобранная на улице.

— Между прочим, я принадлежу древнему роду. И многие дома считали честью породниться с нашей фамилией! — гордо произнесла я. — По древности рода я ничуть не уступаю вашему. И не надо говорить так, словно я крестьянка, которая чудом и милостью попала под венец!

Свекровь открыла рот, словно хотела что-то сказать. Пятна на ее лице стали отчетливей.

— Да как ты смеешь сравнивать наш род и ваш? Для нас ты — крестьянка! Слышишь? Крестьянка! — закричала она.

Глава 5

Вот теперь я окончательно поняла. Они действительно считали меня своей. Не родственницей. Не женой герцога. Не герцогиней.

Собственностью рода, которая должна была отдать имущество, родить наследников и достаточно быстро научиться опускать глаза и терпеть ужасное обращение, радуясь, что меня вообще приняли в семью.

Я посмотрела на окна поместья и увидела высокий силуэт. Из-за падающего на него со спины света он казался темным, почти черным. Если это мой муж, то почему он не выйдет и не остановит всё это? Неужели он не видит, что здесь происходит? Почему не вмешается?

Я так долго смотрела на силуэт, что глаза защипало. Пальцы медленно разжались, выпустив мокрую ткань юбки. До этого я даже не замечала, как крепко её сжимала.

Пару мгновений я молчала, а потом поняла. Он не вмешается. Его всё устраивает.

— Отойдите, — гневно приказала я лакею возле кареты.

Он напрягся, собираясь снова перегородить дорогу. После всего случившегося мне хватило одного этого движения. Я дёрнулась вперёд, он попытался удержать меня за локоть, кто-то подошёл с другой стороны, отрезая путь к карете.

Я отшатнулась, не позволяя себя схватить.

Каблук попал на нижнюю ступень.

Пришлось отступить ещё выше, потому что лакей снова потянулся ко мне, а с другой стороны уже приближался второй.

Со ступеней донёсся раздражённый женский голос, приказавший наконец остановить меня, пока я окончательно не опозорила семью.

Кто именно это сказал — мать или одна из сестёр — я уже не различила.

Мне нужно было только добраться до дороги.

Карета стояла внизу, всего в нескольких шагах.

Я перехватила мокрую юбку одной рукой и рванулась вниз, к ней.

Шёлк мешал бежать, сироп склеил нижние слои, тяжёлые складки путались между ног, но дверца была совсем рядом. Я уже протянула свободную руку к ручке, когда подол натянулся и каблук запутался в ткани.

Мир качнулся.

Я попыталась ухватиться за каменные перила лестницы, но мои пальцы схватили воздух.

Первая каменная ступень ударила по колену. От боли я вскрикнула. Следующая пришла по боку, потом плечо, белая юбка взлетела вокруг меня вместе с перьями.

Последним был удар затылком о край ступени.

Короткий.

Сухой и противный.

Боль вспыхнула ослепительным белым светом и почти сразу исчезла.

Я лежала на боку и смотрела на собственную руку. Бриллиантовый браслет всё ещё был на запястье, между двумя камнями застряло мокрое белое перо, а по коже медленно стекала кровь. Она добралась до пальцев и тёплой каплей упала на серый камень.

Утром муж застегнул этот браслет сам.

Я вдруг очень ясно вспомнила его руки, запах кожи перчаток, тепло губ возле виска и слова, сказанные перед дорогой: «Увидимся дома».

Странно.

Я действительно приехала домой.

Только дом оказался не моим.

Вокруг кричали. Слуги бросились ко мне, гости суетились, одна из сестёр испуганно звала мать. Поверх остальных голосов я слышала раздражённое:

— Только не говорите, что она теперь ещё и сознание потеряла! Тоже мне, столичная! Чуть что так сразу в обморок!

Мне хотелось рассмеяться.

Но у меня не получилось. Губы просто перестали слушаться.

Мне вдруг стало очень холодно.

Я смотрела на кровь возле ладони и понимала, что её слишком много. Страх почему-то исчез. Осталась только одна простая, почти обидная мысль.

Если бы я узнала всё это вчера утром, ещё до столичного венчания, до клятвы и кольца, до того, как назвала этого мужчину мужем, я бы не позволила себе сделать ни шага к алтарю.

Одной этой правды хватило бы, чтобы я заперлась в комнате или сбежала через окно, лишь бы не связать свою жизнь с домом, который через сутки встретит меня кровью и смехом.

Но вчера утром я ничего не знала, поэтому вошла в храм совершенно счастливая и собственным голосом произнесла клятву, от которой теперь уже нельзя было просто отказаться.

А теперь было поздно.

Темнота сомкнулась вокруг меня.

Глава 6

Я открыла глаза и несколько мгновений просто смотрела на знакомый потолок. Белая лепнина, маленькая трещинка возле карниза, которую уже третий год обещала велеть заделать, полоса солнечного света на стене — всё принадлежало моей спальне в доме отца, а не каменным ступеням у замка Генферов.

Память вернулась раньше, чем я успела обрадоваться. Я падала, ударилась затылком, лежала на боку и смотрела, как кровь стекает по пальцам. Поэтому обе руки одновременно поднялись к голове: пальцы прошли по затылку, потом по виску, но вместо липкой раны нашли только гладкую кожу и аккуратно уложенные волосы.

Я ошупала голову ещё раз, уже медленнее, не доверяя собственным пальцам, затем опустила взгляд на светлое домашнее платье и спустила ноги на пол. Холод паркета под босыми ступнями оказался таким настоящим, что на мгновение мне захотелось поверить: всё остальное действительно было кошмаром.

На столике стояла чашка с недопитым чаем, в вазе — белые розы, на кресле лежала тонкая накидка. Я потянулась к ней и только тогда заметила на левой руке тонкое обручальное кольцо.

Сердце ударилось о рёбра так сильно, что я застыла с вытянутой рукой. Кольцо было моим. Вчера Эремон надел его мне на палец в столичном храме, и я сама, совершенно счастливая, повторила за жрецом брачную клятву.

Именно слово «вчера» заставило меня окончательно прийти в себя: смерть вернула меня назад, но не настолько далеко, как я просила в последние секунды жизни.

В столице уже состоялось венчание. С этого момента я была законной женой герцога Эрмона Генфера и носила его фамилию, а сегодняшний день предназначался для второй части свадьбы — родового торжества в замке его семьи.

Старинный обычай Генферов требовал, чтобы после столичной церемонии супруги провели первую ночь отдельно.

Женщины рода жениха вообще не приезжали на столичное венчание: мать и сёстры оставались в Генфере, готовя родовой приём и встречу молодой герцогини.

Утром жена отправлялась в замок, где её представляли семье и принимали в родовом доме по древнему обряду, затем начинался большой пир, и только после завершения второго свадебного дня супругам позволялось остаться наедине.

Вчера эта традиция казалась мне старомодной и даже немного романтической.

Сейчас я была благодарна этому обычаю хотя бы за одно: между вчерашней клятвой и первой брачной ночью оставались ещё несколько часов, которых пока никто не успел у меня отнять.

Юридически это ничего не меняло — мы уже были мужем и женой, — зато давало мне время понять, как не допустить того, что уже однажды закончилось моей смертью.

Перед смертью я жалела только об одном: если бы узнала правду до клятвы, ни за что не вошла бы в зал. Судьба будто услышала меня и всё-таки вернула назад — только промахнулась на один день.

Глава 7

Дверь открылась, и я дёрнулась так резко, что бедром задела край столика. На пороге застыла Лора в зелёном платье, с чуть съехавшей вправо лентой на чепце.

— Госпожа? Вы уже проснулись? — Горничная встревоженно всмотрелась в моё лицо. — Я заходила совсем недавно, но после вчерашнего венчания вы так устали, что я решила дать вам поспать. Сегодня ещё дорога и второй день торжеств, силы вам понадобятся.

Во рту пересохло. Я посмотрела на кольцо, потом на Лору и всё же спросила, какое сегодня число, хотя ответ уже знала.

Лора назвала дату и улыбнулась, совершенно не замечая, как у меня похолодели руки.

— Вчера было венчание, а сегодня вам предстоит отправиться в Генфер. Его светлость пока ещё в столице, но собирается вылететь туда раньше драконом, чтобы проверить приготовления. После завтрака подадут карету. Скоро привезут платье для родового приёма, а к вечеру, после обрядов и пира, наконец состоится ваша первая брачная ночь.

Я медленно опустилась на край кровати. Смерть отбросила меня не к утру перед свадьбой, а всего на несколько часов назад — к началу того самого дня, в конце которого я уже однажды лежала на ступенях замка Генферов.

Самого простого выхода — отказаться идти под венец — уже не существовало. Под венец я сходила вчера, добровольно, счастливо и в присутствии половины столицы.

Оставалось другое объяснение: возможно, никакой смерти не было, а измученный после вчерашней свадьбы разум подарил мне слишком подробный сон о будущем дне. Я ещё не встречала мать и сестёр Эремона наяву, не видела родовой замок и могла убедить себя, что страх перед переездом просто принял особенно жестокую форму.

Но даже если это был сон-предупреждение, сегодняшний день ещё только начинался, а значит, я могла не допустить его повторения.

Я снова посмотрела на обручальное кольцо. Вчерашнюю клятву нельзя было отменить одним словом, и от этого металл на пальце вдруг показался тяжелее любой цепи.

Брачной ночи ещё не было, и я почему-то цеплялась за эту единственную границу, которую мы пока не успели перейти. Но юридически брак уже существовал, а значит, избавиться от него можно было только через развод. Не одним словом и не за несколько часов: понадобился бы поверенный, прошение, разбирательство и неизбежный скандал. У меня пока не было доказательств, кроме памяти о собственной смерти.

Хуже было другое: пока суд не расторгнет брак, я всё равно останусь женой Эремона. Я могла уехать в столичный дом хоть сегодня, но это ещё не делало меня свободной. Если муж потребует моего возвращения, закон будет на его стороне. Сбежавшая жена оставалась женой, просто сбежавшей.

И всё же даже долгий и скандальный развод казался выходом. Всё лучше, чем добровольно поехать в дом, где я уже однажды умерла.

Я вернулась слишком поздно, чтобы не стать женой Эремона. Но, возможно, ещё достаточно рано, чтобы потребовать развод и не позволить этому браку стать всей моей жизнью.

Эта мысль должна была успокоить. Вместо этого я прижала ладонь к груди, пытаюсь унять сердце, и поняла, что даже сейчас первое чувство при слове «муж» было не отвращением, а болью.

И от этого было особенно больно, потому что вчера я действительно хотела этого брака, ждала его и не сомневалась, что становлюсь женой человека, рядом с которым буду счастлива.

И всё же к вечеру мне предстояло либо снова доверить ему жизнь — либо бежать от собственного мужа.

Глава 8

Я заставила себя успокоиться. Самое простое объяснение всё ещё существовало: после вчерашнего венчания я почти не спала, слишком много думала о сегодняшней дороге, втором свадебном дне и родственниках мужа, которых знала только по его рассказам. Возможно, стоило ненадолго задремать — и сознание услужливо превратило все страхи в отвратительно подробный кошмар.

Такое объяснение казалось разумным ровно до тех пор, пока я не провела пальцами по совершенно целому виску и не вспомнила, как ещё совсем недавно там пульсировала рассечённая кожа.

Мне не просто привиделись кровь и перья.

Я помнила, как сахар скрипел на зубах, как мокрый шёлк тянул ноги вниз, как край браслета впивался в запястье, когда сестра мужа схватила меня за руку. Помнила холод камня под щекой и ту странную короткую боль в затылке, после которой тело вдруг перестало мне принадлежать.

Слишком много для сна. И всё же признать другое означало поверить в невозможное.

— Вам нехорошо? — встревоженно спросила служанка и приблизилась, всматриваясь в моё лицо с такой тревогой, что я поспешно убрала руку от виска.

Я попыталась улыбнуться и сказала, что, должно быть, просто задремала.

Собственный голос прозвучал неубедительно, но девушка не стала расспрашивать. Вместо этого заговорила о белом платье для второго свадебного дня, которое должны были привезти с минуты на минуту, поправила покрывало и уже направилась к двери, когда вдруг о чём-то вспомнила.

— Одну минуту, госпожа! Как я могла забыть! — всплеснула руками Лора и выбежала из комнаты.

Ее не было несколько минут. И всё это время я пыталась убедить себя в том, что это всё мне приснилось. Что всё будет хорошо.

Глядя на солнечное осеннее утро, я действительно хотела в это верить. Я подставила лицо солнечным лучам, словно желая выжечь из себя этот страшный сон.

Дверь открылась, а позади меня послышались торопливые шаги.

— Вот, простите, что не передала сразу! Я замоталась и забыла. Его светлость прислал утром. Просил передать лично вам, — поклонилась служанка, протягивая мне продолговатую коробку из темного бархата.

Я смотрела на коробку, потом на горничную, которая застыла в поклоне. Она бросила на меня взгляд, в котором читался вопрос: «Мне открыть?».

— Я могу открыть ее, госпожа, — произнесла Лора.

— Открой, — выдохнула я.

Сердце почему-то забилось быстрее ещё до того, как служанка коснулась крышки.

— Что там? — спросила я, не двигаясь с места.

— Там подарок, — улыбнулась она и повернула маленький золотой замочек. — Видимо, что-то очень дорогое и красивое!

Бархат разошёлся.

На свету вспыхнули бриллианты.

Я не вскрикнула. Даже не отшатнулась. Просто смотрела на браслет и чувствовала, как постепенно перестаю ощущать пальцы.

Он лежал на чёрном бархате точно так же, как в той, другой версии сегодняшнего дня блестел на моей руке перед поездкой в Генфер.

Центральный камень в форме вытянутой капли, две дорожки мелких бриллиантов, белое золото, собранное возле застёжки в маленькое драконье крыло.

Я знала это украшение настолько хорошо, словно носила годами. Знала, где тонкий край цепляется за кружево перчатки и как приходится чуть повернуть кисть, чтобы застёжка не давила на косточку. А главное — видела перед глазами белое перо, застрявшее между двумя камнями, и кровь, которая медленно заполняла узкую бороздку возле драконьего крыла.

До сегодняшнего утра я никогда не видела этот браслет.

Глава 9

Мысль меня напугала, но я заставила себя подойти ближе.

— Когда он его просил передать? — встревоженно спросила я.

Служанка, уже заметившая, что подарок почему-то не обрадовал меня, осторожно ответила:

— Посыльный герцога приехал два часа назад, пока вы спали. Я не стала вас будить.

Лора посмотрела на меня, пока я вспоминала такой же точно браслет у себя на руке. Вот как я могла знать о нем? Я же его ни разу не видела?

— Его светлость велел непременно надеть браслет к родовому приёму и отдельно предупредил, чтобы застёжку проверили: мастер закончил работу только вчера вечером, — добавила Лора, отойдя на два шага от стола.

Я протянула руку и коснулась белого золота.

Холод металла оказался настоящим.

От этого простого ощущения стало страшнее, чем от всех воспоминаний вместе.

Сон мог придумать украшение. Мог случайно повторить вещь, которую я видела раньше и забыла. Сознание иногда вытаскивает из памяти такие мелочи, которых человек никогда не замечал осознанно.

Я почти убедила себя в этом, цепляясь за здравый смысл с той же отчаянностью, с какой несколько часов назад цеплялась за перила возле кареты.

Но тогда я не могла знать, что мастер закончил браслет вчера вечером. Не могла знать форму застёжки. Не могла знать, как он ляжет на руку.

Я медленно убрала пальцы.

За окном послышался стук колёс.

— Наконец-то, — обрадовалась служанка и поспешила к окну. — Карету его светлости подали раньше, чем обещали.

Я не хотела смотреть.

Наверное, именно поэтому подошла к окну.

На мгновение задержалась возле шторы, всё ещё позволяя себе последнюю глупую надежду: сейчас во двор въедет другой экипаж, с другими лошадьми, и браслет снова станет просто странным совпадением.

Карета свернула к парадному входу.

Чёрный лаковый кузов, серебряный герб герцога на дверце, белые фонари по бокам. В упряжке шли две серые лошади и две вороные — та самая четвёрка, чьи спины я несколько часов наблюдала через окно на долгой дороге в поместье.

Я так крепко стиснула край шторы, что ногти заболели.

Служанка ничего не заметила.

— Ваш муж просил передать, что после завтрака вы сразу отправитесь в Генфер, чтобы успеть к началу второго дня свадебных торжеств. Его светлость распорядился подать карету пораньше: дорога долгая, а к вечеру вас уже ждёт весь род.

Я слушала её и уже знала следующую фразу раньше, чем она была произнесена.

— А герцог? — спросила я, не отрывая глаз от кареты. — Он поедет со мной?

— О, к сожалению, нет. Его светлость собирался отправиться раньше — драконом дорога занимала куда меньше времени, а ему хотелось предупредить семью о прибытии молодой жены и проследить, чтобы ко второму свадебному дню всё было готово, — улыбнулась Лора. — Может, подать вам чай? Платье ещё не прибыло, а потом времени почти не останется...

Я не слушала ее. В голове вертелась одна только фраза: «Всё было готово».

Я снова увидела свекровь на ступенях. Корзины с перьями. Ведро возле колеса. Гостей, собравшихся посмотреть, как новая герцогиня выйдет из кареты.

Я выдохнула и вцепилась руками в подоконник.

В дверь постучали, а я услышала, как Лора направилась к двери: «О, конечно, я немедленно ей передам!» Дверь скрипнула и закрылась.

— Герцог велел передать вам письмо, — улыбнулась она, протягивая мне конверт. В конверте, судя по весу, явно что-то было, кроме письма.

Я бережно разрезала конверт, хотя руки всё ещё дрожали от совпадений.

— Дорогая Меллифора, — прочитала я первую строчку. — Я присылаю тебе портреты моей матушки и сестер. Чтобы при встрече не было никаких недоразумений. С любовью...

Глава 10

Я даже не дочитала, споткнувшись на букве «Э».

Я тряхнула конвертом над столом и на зеркальную полироль высыпались три медальона-портрета. Я взяла один из них, как вдруг пол подо мной покачнулся. Или это я потеряла равновесие. С портрета на меня смотрела та самая сестра в голубом платье.

Моя рука перевернула портрет. Пусть будет Элеонора или Элиза. Пусть будет Дженифер или Лаура... Только не Ирианна.

Я застыла, глядя на красивый вензель, выбитый на портрете: «Ирианна».

Со стола на меня смотрела вся его семейка. Люди, которых я не могла знать. Но которых отчетливо видела во сне. Или это был не сон?

До этой минуты я ещё могла спорить с собой. Искать объяснения. Обвинять измученный бессонницей разум, который зачем-то подарил мне слишком правдоподобный кошмар.

Теперь спорить стало не с чем.

Я заранее знала подарок, который никогда не видела. Узнала карету и лошадей. Помнила решение мужа улететь вперёд, хотя служанка сообщила о нём только сейчас. И портреты.

И всё это было не набором смутных совпадений.

Каждая подробность занимала своё место в уже прожитом дне и вела туда, где я лежала на холодных ступенях, смотрела на кровь возле собственной руки и жалела только об одном: что узнала правду слишком поздно.

До выезда в Генфер оставалось всего несколько часов, и впервые эта короткая отсрочка показалась мне не ожиданием праздника, а временем, за которое нужно успеть спасти собственную жизнь.

Я не понимала, почему смерть вернула меня именно сюда — не к утру перед венчанием, а к утру после него, когда изменить сам факт брака уже было невозможно.

Возможно, я действительно сходила с ума. Возможно, ещё лежала на тех ступенях, а всё происходящее было последней причудой умирающего сознания. Однако обручальное кольцо обнимало палец, браслет холодил ладонь, во дворе фыркали знакомые лошади, и всё вокруг было слишком настоящим, чтобы просто ждать вечера и проверять, повторится ли моя смерть.

Для решения, которое я приняла, этого было достаточно. Я не знала, как быстро можно получить развод, согласится ли Эремон и что скажет суд, но точно знала другое: в родовой замок добровольно я больше не поеду.

— Платье для второго дня можешь не принимать, — произнесла я и сама удивилась тому, насколько спокойно прозвучал голос.

Служанка обернулась. Наверное, решила, что ослышалась, потому что несколько секунд просто смотрела на меня, ожидая продолжения.

Я закрыла коробку с браслетом и отодвинула её как можно дальше.

— В Генфер я не поеду. Пошли за моим поверенным и передай герцогу, что я хочу развода.

Испуг на её лице оказался почти смешным.

Лора открыла рот, но вместо ответа из коридора донеслись мужские шаги, а затем кто-то коротко постучал в дверь.

Я узнала походку раньше, чем успела понять, откуда могу её знать. В прошлой жизни мне хватило одного дня брака, чтобы запомнить тяжёлый уверенный шаг мужчины, которого я весь вечер ждала в доме его семьи и который так и не раздался в тот момент, когда был мне нужен.

Глава 11

Дверь открылась прежде, чем Лора успела выполнить моё поручение.

Я узнала Эремона сразу, хотя в эту минуту он выглядел совсем не так, как сохранился в последних воспоминаниях.

Там, в поместье, я весь вечер пыталась разглядеть его за тёмными окнами, искала среди силуэтов, прислушивалась к каждому мужскому голосу и в какой-то момент даже решила, что вижу его наверху.

Здесь же он стоял всего в нескольких шагах от меня, живой, спокойный и совершенно не подозревающий, что для меня сегодняшний день уже однажды закончился смертью.

Наверное, именно поэтому первым чувством при его появлении оказался не страх.

Боль, которая пронзила душу и вывернула ее наизнанку. Боль от предательства, боль от того, что он так и не вышел и не остановил этот произвол.

В груди резко стянуло. Я попробовала вдохнуть — и стало только больнее.

Она пришла настолько неожиданно, что я крепче стиснула пальцами край стола.

Я ведь любила этого мужчину.

Пусть пока совсем не той глубокой, испытанной годами любовью, о которой пишут в романах.

Мы знали друг друга слишком мало. Но последние месяцы я ждала его визитов, выбирала платье дольше обычного, если знала, что он придет, перечитывала короткие записки перед сном и уже привыкла к тому, что один звук его имени заставляет сердце вести себя немного глупее, чем следовало приличной девушке.

Я думала о нем постоянно, словно кроме него в мире перестали существовать другие люди. Я искала похожие черты в других мужчинах. И каждый раз, когда ложилась спать, я загадывала будущую счастливую жизнь с ним.

И всё это никуда не исчезло после моей смерти.

Вот что оказалось самым страшным.

Я могла сколько угодно помнить свекровь, смеющихся сестёр и собственную кровь на камнях, но сердце отозвалось на него раньше, чем память успела вернуть мне причину держаться подальше. Оно уже ударилось о рёбра, когда Эремон вошёл, и от этого предательства самой себя захотелось отвернуться к окну и крепко зажмуриться.

Он был высоким даже для дракона. Не просто высоким. По сравнению со многими моими знакомыми, он казался огромным мужчиной, рядом с которым всегда невольно ощущалось собственное женское тело. Взгляд мгновенно прилипал к нему, а там, внизу живота, что-то горячо и сладко сжималось, пока сердце задышалось собственным стуком.

Широкие плечи тёмного сюртука почти касались дверного проёма, чёрные волосы были убраны с лица и перехвачены на затылке узкой серебряной лентой, оставляя свободными несколько длинных прядей возле виска. Я раньше любила смотреть, как они выбиваются от малейшего движения головы, и однажды даже поймала себя на совершенно неприличном желании убрать такую прядь ему за ухо.

Сейчас она снова лежала возле скулы.

И я ненавидела себя за то, что заметила и сжала пальцы. Может, это был просто предлог, чтобы коснуться его. Или эта прядь действительно меня так нервировала.

Эремон закрыл за собой дверь и несколько мгновений просто смотрел на меня. Он вообще умел смотреть так, что рядом с ним начинало казаться бессмысленным что-либо прятать.

Золотисто-карие глаза задержались на моём лице, скользнули к рукам и остановились на закрытой бархатной коробке. Обычно в его взгляде появлялась лёгкая усмешка, когда он замечал моё волнение. Сегодня её почему-то не было.

— То, что я услышал в коридоре, — произнёс он и только после этого перевёл внимание на Лору и снова на меня. — Мне ведь не показалось?

Глава 12

Горничная посмотрела на меня, поджимая губы. Она бросила короткий испуганный взгляд на герцога, а потом опустила взгляд в пол, рассматривая ковер.

— Выйди, — приказал герцог, а Лора тут же подняла глаза и стала метаться взглядом от меня к мужу. Даже будучи моим супругом, Эремон не имел права распоряжаться прислугой отца в его доме, но мне казалось: приди он в гости к его величеству, через пять минут и королевский дворец начал бы выполнять его приказы.

— Лора, останься, — слишком быстро попросила я, прокашлявшись, чтобы придать голосу солидности.

Эремон нахмурился.

Не сердито. Скорее удивлённо и недоверчиво.

Лора застыла между нами, не понимая, чьё распоряжение выполнять, и это маленькое замешательство почему-то заставило меня почувствовать себя нелепо. Передо мной не стоял мужчина, который тащил меня куда-то силой или запирали двери. Эремон просто хотел поговорить с собственной женой наедине. Ещё вчера после венчания мне казалось мучительным, что семейный обычай не позволяет нам провести первую ночь вместе; сегодня я сама цеплялась за присутствие горничной.

Я смотрела на мужа, как на злейшего врага, и только теперь, встретившись с его непонимающим взглядом, до конца осознала нелепость происходящего: я была обижена на него за то, чего в этой реальности ещё не случилось.

Эта мысль вдруг показалась дикой. Этого же не было! Не было кареты, не было ведра с сахарной водой, перьев, которые вытряхнули на меня.

Для него этого не было, а для меня было. Было, как наяву. Но всё равно ситуация казалась очень странной.

— Пусть останется, — повторила я уже спокойнее, стараясь показаться доброжелательной.

На лице герцога ничего не изменилось, но взгляд стал внимательнее. «Это еще не случилось!» — пронеслось в голове, а я сжала край стола. «Но если человек способен на такое предательство...» — пронеслась в голове еще одна пугающая мысль.

— Хорошо, — выдохнул герцог, не сводя с меня взгляда.

Всего одно слово.

Он не приказал мне замолчать, не потребовал немедленно объясниться и даже не напомнил, что со вчерашнего дня я уже его законная жена и через несколько часов должна ехать в дом его семьи.

От этого становилось еще тревожней и неприятней.

Эремон подошёл ближе, и знакомый запах заставил меня стиснуть зубы. Кожа перчаток, прохладный воздух улицы и что-то древесное, едва уловимое, чем всегда пахла его одежда.

В другой жизни утром я стояла перед ним так же близко, пока он застёгивал на моём запястье браслет. Мне нравилось чувствовать его пальцы. Я специально не помогала со сложной застёжкой, хотя прекрасно могла справиться сама, только чтобы он задержался рядом ещё на несколько секунд. Чтобы почувствовать прикосновение его пальцев к моей коже.

Теперь воспоминание о тех же руках заканчивалось кровью между бриллиантами.

Глава 13

Эремон остановился возле стола.

— Меллифора, — произнёс он.

Он всегда произносил моё имя чуть медленнее остальных слов.

Когда мы только познакомились, я решила, что ему просто трудно выговорить его целиком, и предложила называть меня Мелли. Он отказался. Сказал, что красивое имя не сокращают из лени. Это было бы неправильно.

Тогда я неделю вспоминала эту фразу перед сном.

Сейчас она тоже вернулась.

Будто моя память специально выбирала всё хорошее, чтобы сделать происходящее ещё мучительнее.

— Посмотри на меня, пожалуйста, — послышался голос.

Я уже смотрела, но, услышав просьбу, почему-то опустила глаза. «Я не знаю, что мне делать. Я мысленно обвиняю его за то, чего он ещё не совершил!» — назойливо вертелось в голове.

Эремон помолчал.

— Полагаю, я не ослышался: ты не собираешься ехать в Генфер и хочешь развода? — спросил он, заглядывая мне в лицо, словно пытался понять, что могло произойти между вчерашним венчанием и сегодняшним утром с женщиной, которая ещё вчера была счастлива стать его женой.

Мне пришлось поднять голову.

— Да. Я не поеду в Генфер. И хочу развода.

Я ждала вспышки.

Наверное, потому что сегодняшний день научил меня ждать худшего от каждого человека из его семьи.

Но Эремон только очень медленно снял перчатки и положил их возле коробки. Я проследила за движением его пальцев и сразу пожалела об этом. Руки тоже были знакомыми. Большие, сильные, с едва заметными следами старых ожогов возле костяшек — драконья кровь заживляла раны быстро, но не всегда бесследно.

Он никогда не причинял мне этими руками боли.

Эта мысль пришла такой ясной и простой, что у меня перехватило горло.

Никогда.

Даже в той жизни. Потому что у нас почти не было той жизни.

Мы были мужем и женой чуть больше суток, и вся наша супружеская жизнь уместилась между вчерашней клятвой и моей смертью на ступенях к вечеру следующего дня.

Я обвиняла его в том, что он не предупредил меня. В том, что знал. Возможно, даже в том, что видел происходящее из окна и не вмешался.

Но сейчас ничего из этого ещё не случилось. И это было самое ужасное! Если бы это уже случилось, я могла бы обвинить его, высказать всё, заплакать, прогнать вон. Я могла кричать, сжимать кулаки, бросать в лицо обвинения, обижаться. И тогда он понял бы, почему я злюсь.

Но сейчас передо мной стоял мужчина, с которым вчера я обменялась брачными клятвами, которого целовала после венчания и рядом с которым собиралась прожить первую брачную ночь после завершения сегодняшнего родового праздника.

Как можно ненавидеть человека за будущее, которое еще не наступило? За поступок, который он еще не совершил?

Глава 14

И как можно снова довериться ему, если ты уже однажды умерла из-за этой доверчивости?

— Я хочу понять, что произошло между вчерашним вечером и сегодняшним утром, — негромко сказал Эремон. — Вчера после венчания ты спрашивала, неужели обычай действительно заставит нас провести первую ночь отдельно до завершения второго дня свадьбы. Сегодня ты не хочешь оставаться со мной без горничной, отказываешься ехать в Генфер и требуешь развода.

Он не улыбнулся, хотя упоминание о вчерашнем заставило меня покраснеть.

Это тоже было правдой.

Вчера после столичного свадебного ужина он задержался возле двери моей комнаты дольше, чем позволял родовой обычай. Нам предстояло провести ночь отдельно, и я сама, смеясь, спросила, неужели несколько часов до следующего вечера действительно имеют такое значение и нельзя ли считать старые приличия выполненными уже наполовину.

Я шутила. В основном.

Эремон тогда посмотрел на меня так, что я ещё долго не могла уснуть.

Сейчас воспоминание казалось принадлежащим другой девушке.

— Я... я передумала насчёт нас, — выдавила я и тут же закрыла глаза.

Слова прозвучали так жалко и неуверенно, что мне самой стало неудобно. «А если это действительно всего лишь сон? — мелькнула пугающая мысль. — Ты готова разрушить брак с любимым мужчиной наутро после венчания из-за кошмара?»

По лицу Эремона я сразу поняла, что оправдание прозвучало неубедительно. Он не стал спорить в ту же секунду, только чуть сузил глаза и несколько мгновений смотрел на меня так внимательно, будто пытался найти в моих словах ту деталь, которая объяснит всё остальное.

— Ты не передумываешь так, — наконец произнёс он.

Мне хотелось возмутиться хотя бы из упрямства. В конце концов, кто дал ему право объяснять мне, как именно я принимаю решения? Но вместо этого я только сильнее сжала пальцы на складке платья.

— Откуда вам знать? — спросила я с той самой гордостью, с которой «во сне» объявила о своем желании уехать из его дома.

— Потому что я тебя знаю, — усмехнулся Эремон.

Нервный смешок едва не сорвался с губ. Знает он меня! А как же!

Вот именно этого он сейчас говорить не должен был.

Мы знали друг друга четыре месяца. Четыре месяца визитов, прогулок под присмотром компаньонки, балов и ужинов, на которых половина произнесённых слов принадлежала не нам, а приличиям. Я могла перечислить его любимые вина, знала, какую лошадь он выбирает для утренних поездок и как меняется его голос, когда кто-то начинает ему лгать, но всё это ещё не давало мне права утверждать, что я до конца знаю человека, которому вчера дала брачную клятву.

И он тоже не мог говорить о том, что хорошо знает меня.

Эремон, видимо, прочитал эту мысль по моему лицу. В его взгляде мелькнуло раздражение, скорее на собственную неточность, чем на меня, и он почти сразу поправился:

— Хорошо. Скажем иначе. Я знаю тебя настолько, насколько ты позволила мне узнать себя за последние четыре месяца. И за всё это время ты дважды меняла решение. Первый раз — когда выбрала для букета белые розы вместо кремовых. Второй — когда велела убрать из свадебного меню фаршированных фазанов, потому что твоя кухня их терпеть не может, а она

даже не приехала. И оба раза ты два дня составляла список доводов, прежде чем сообщить решение окружающим.

Я невольно посмотрела на него внимательнее.

Он помнил.

Не только сами решения, но и то, как долго я их принимала.

Эремон слегка склонил голову, словно окончательно убедился, что попал туда, куда целился.

— Поэтому не говори мне, что за одну ночь просто передумала быть моей женой. Я поверю во что угодно, кроме этого, — голос герцога стал твёрже.

Глава 15

И именно в этот момент я снова почувствовала то, от чего последние минуты пыталась избавиться.

Вот почему он мне понравился.

Не из-за титула. Не потому, что происходил из древнего драконьего рода. Даже не из-за внешности, хотя смотреть на него спокойно было трудно даже сейчас, когда страх должен был вытеснить всё остальное.

Эремон замечал.

Не показательно, не тем видом мужчины, который делает женщине одолжение, запоминая цвет её платья. Он просто складывал куда-то в память вещи, которые другим казались слишком мелкими, чтобы иметь значение. Однажды на приёме я между прочим пожаловалась, что терпеть не могу засахаренный имбирь. Через две недели за ужином в его доме я только к третьей перемене блюд поняла, что имбирь исчез вообще из всех десертов. Потом выяснилось, что это было распоряжение самого герцога.

Он запомнил, с какой стороны мне удобнее садиться в экипаж, потому что с другой платье цеплялось за дверную ручку. Знал, какое вино я только делаю вид, что пью из вежливости. Ни разу не оставлял открытым окно во время грозы после того, как однажды заметил, как я вздрагиваю от каждого особенно близкого удара грома.

Мне казалось, что мужчина, который видит такие мелочи, обязательно заметит и всё остальное.

Если мне больно.

Если страшно.

Если я одна среди людей, которые меня ненавидят.

В той, другой жизни я лежала на холодных ступенях, чувствовала, как кровь собирается под щекой, и до последней минуты ждала именно его.

Но Эремон так и не пришёл.

Я отвернулась, потому что смотреть на него стало физически тяжело. После того, что я пережила в том видении, мне было больно смотреть на его красивое обеспокоенное лицо.

— Меллифора? — слышался голос позади меня.

Он произнёс имя тем самым голосом, от которого раньше мне хотелось улыбаться прежде, чем я успевала придумать причину.

И сейчас сердце откликнулось.

Вот это оказалось почти невыносимым.

— Не надо так произносить моё имя, — попросила я, вспоминая силуэт в окне.

Только услышав собственные слова, поняла, насколько странно они звучат.

Эремон замолчал. Я чувствовала его взгляд на себе и всё равно не поворачивалась, рассматривая солнечное пятно на полу так внимательно, словно от него зависела моя жизнь.

— Как именно? — спросил он спустя несколько секунд.

Я открыла рот и ничего не сказала.

Как человек, которого я люблю? Как мужчина, рядом с которым ещё вчера после венчания собиралась прожить всю жизнь?

Как будто между вчерашней клятвой и этим утром я не успела прожить сегодняшний день до самой смерти и вернуться обратно?

Ни один ответ нельзя было произнести вслух. Иначе меня посчитают сумасшедшей.

— Просто не надо, — повторила я уже тише.

На этот раз Эремон не стал добиваться объяснения. Когда я всё-таки заставила себя посмотреть на него, в его лице впервые появилась тревога. Не оскорблённая гордость мужа,

чья жена наутро после венчания потребовала развода, и не холодное раздражение герцога, чьи планы внезапно нарушили. Он смотрел на меня так, словно сам брак неожиданно перестал быть главным вопросом.

— Кто-то тебя напугал? — Эремон склонил голову набок, внимательно глядя на меня, словно пытаюсь найти ответ.

Вопрос оказался настолько близко к правде, что я невольно задержала дыхание.

Эремон заметил и это.

Он сделал едва заметный шаг в мою сторону, но остановился, словно боялся, что резкое движение заставит меня снова отступить.

— Сегодня утром кто-нибудь приходил? — спросил он уже иначе, собраннее. — Тебе угрожали? Кто-то потребовал не ехать со мной или расторгнуть брак?

— Нет, — выпалила я.

Ответ прозвучал слишком быстро.

Глава 16

Взгляд Эремона скользнул по моему лицу и задержался на столике, где лежали бархатная коробка и вскрытый конверт.

— Тогда ты что-то получила? Да? Письмо с угрозами? Что? — хрипло спросил Эремон, положив руку на стол.

Я не ответила.

Он проследил за моим взглядом и посмотрел на письмо.

— Это мое письмо? — спросил он, глядя на портреты возле него.

Я кивнула, хотя от одного взгляда на вскрытый конверт снова неприятно стянуло живот.

Эремон проследил за движением моих глаз, подошёл к столу и увидел лежавшие на полированной поверхности медальоны. На его лице почти сразу появилась улыбка — едва заметная, только уголок губ чуть дрогнул, а привычная строгость черт смягчилась.

— Значит, всё-таки доставили вовремя, — произнёс он с явным облегчением и взял в пальцы портрет матери. — Я уже начал подозревать, что мой посыльный снова заблудился в ваших столичных улицах. В прошлый раз он трижды проехал мимо моего дома и в итоге потребовал у стражи показать ему дорогу к герцогу.

Я помнила эту улыбку.

Месяц назад именно из-за неё окончательно поняла, что пропала. Эремон вообще улыбался редко и никогда не делал этого широко, как мужчины, привыкшие очаровывать весь зал сразу.

У него просто становился теплее взгляд, чуть расслаблялась линия рта, и человек, рядом с которым даже пожилые министры почему-то тщательно выбирали выражения, вдруг переставал казаться недоступным. Мне нравилось думать, что эту его сторону знают немногие и что я уже принадлежу к их числу.

Сейчас сердце всё равно откликнулось.

Вот только вместе с привычным теплом пришло что-то другое, чужое и горькое.

Любовь никуда не делась за тот единственный день брака, который для меня закончился смертью. Она просто успела отравиться ядом предательства, хотя разум всё ещё напоминал: в этой реальности предательства пока не было.

«Предательства, которого ещё не было!» — подсказывали мне мысли, а я действительно понимала, как глупо это звучит.

Я смотрела на Эремона и всё ещё видела мужчину, которого ждала у окна, чьи записки прятала между страницами книги, которого сама согласилась назвать мужем. Но теперь каждое хорошее воспоминание будто соприкасалось с другим, ещё слишком свежим: с мокрым свадебным платьем, кровью на перчатке, смехом его семьи и высоким тёмным силуэтом за окном поместья.

Получалось почти как с дорогим вином, в которое кто-то незаметно добавил яд. Оно не меняет цвет, пахнет точно так же, и даже первый глоток кажется знакомым. Только теперь ты знаешь, чем закончится второй.

Я почувствовала, как зашипало глаза, и поспешно отвернулась, но Эремон уже заметил.

Улыбка исчезла с его лица мгновенно.

— Меллифора, — позвал он совсем другим тоном и отложил медальон. — Что происходит? Ты мне ответишь? Говори! Скажи уже хоть что-нибудь!

Он подошёл ближе прежде, чем я успела придумать ответ, и поднял руку к моему лицу. Я прекрасно знала это движение. На прогулках он иногда убирал прядь волос, которую ветер бросал мне на глаза, а однажды, когда было холодно, приложил пальцы к моей щеке, проверяя, не замёрзла ли я, потому что сама упорно уверяла его, что мне совершенно тепло.

Раньше от такого прикосновения у меня внутри всё замирало, но на этот раз я даже не успела подумать. Что-то внутри вздрогнуло, словно предупреждая меня об опасности, и я резко отступила.

Эремон замер, глядя на меня непонимающим взглядом.

Его рука так и осталась поднятой между нами. Несколько секунд он смотрел на собственные пальцы с таким выражением, будто они неожиданно предали его и сделали нечто, чего он сам не собирался делать. Потом медленно опустил руку и отступил на полшага, возвращая мне расстояние, которого я, сама того не понимая, потребовала.

Глава 17

И мне сразу стало стыдно.

Почти физически.

Он ведь ничего мне не сделал.

«Пока не сделал!», — прошептала зловещая и пугающая мысль. И от этой мысли у меня по коже пробежали мурашки.

Эремон не обливал меня сладкой водой, не смеялся, когда я стояла перед его родней в крови и перьях, не хватал за руку и не требовал встать на колени. И сейчас я отшатнулась от мужчины, который ещё вчера целовал мои пальцы так бережно, словно я была чем-то драгоценным, только потому, что помнила будущее, которого для него пока не существовало.

— Простите, — выдохнула я, чувствуя себя последней неблагодарной дурой.

Лицо герцога стало серьёзнее. Не сердитым — это различие я уловила сразу. Он смотрел на меня уже не как муж, столкнувшийся с внезапным капризом жены, а как человек, который заметил опасность и пока не понимает, откуда она исходит.

— За что ты сейчас извинилась? — с подозрением спросил он.

Я растерялась.

Эремон, видимо, понял это по моему лицу, потому что сам сделал ещё один шаг назад и опёрся бедром о край стола, окончательно показывая, что больше не собирается приближаться без моего желания.

— За то, что не хочешь моего прикосновения? — уточнил он спокойно. — За такое не извиняются, Меллифора. Мне гораздо важнее понять, почему вчера ты сама брала меня за руку, а сегодня отступаешь так, словно я тебя ударил.

Последние слова попали слишком точно.

Перед глазами на мгновение мелькнула белая перчатка, испачканная кровью. Я почти почувствовала на коже липкую сладкую воду и услышала смех, прокатившийся по двору чужого дома.

Но ведь он меня не ударил?

Даже там. Даже в той жизни. Эремон не причинил мне боли собственными руками.

Он просто не пришёл, когда я ждала его.

Не защитил. Не остановил. Не появился даже тогда, когда мне казалось, что человек, который замечает отсутствие имбиря в десерте, непременно заметит кровь на лице собственной жены.

И почему-то именно это было труднее простить, чем прямую жестокость.

— Вы ничего мне не сделали, — произнесла я, заставив себя посмотреть ему в глаза. И тут же добавила слово, которое рвалось изнутри. — Пока.

Взгляд Эремона изменился.

Совсем немного, но я уже достаточно хорошо его знала, чтобы понять: он ухватился за это слово.

— Пока? — подозрительно переспросил он, не двигаясь с места. — Так, я сейчас пытаюсь разобраться. Что означает таинственное слово «пока»?

Я мысленно выругалась.

Вот теперь действительно сказала лишнее.

У стены стояла Лора, которая с таким усердием изучала узор на ковре, словно никогда прежде не видела переплетённых золотых листьев. Мне хотелось придумать объяснение достаточно быстро, чтобы оно прозвучало естественно, но Эремон уже складывал услышанное вместе с моим поведением.

Его взгляд скользнул к кровати, потом к закрытым шторам, к чашке с остывшим чаем и наконец остановился на моей руке.

Я опять держала пальцы возле виска. Там, где несколько часов назад была рана.

— Тебе что-то приснилось? — произнёс Эремон, глядя на еще не убранную кровать.

Глава 18

Я так резко опустила руку, что только подтвердила его догадку.

— Откуда вы... — начала я и осеклась, глядя ему в глаза.

Он чуть приподнял бровь.

— Мой посыльный приехал два часа назад. Лора сказала ему, что ты спишь и тебя нельзя будить. После пробуждения ты требуешь развода, отказываешься ехать в Генфер, не хочешь оставаться со мной без свидетеля, шарахаешься от моего прикосновения и каждые несколько минут проверяешь висок...

Я невольно прикрыла это место ладонью и тут же убрала руку, увидев, как взгляд Эремона задержался на движении.

Конечно, он заметил. В этом весь Эремон.

— Это был... очень странный сон, — произнесла я, хотя после браслета, кареты и портретов сама уже не верила ни одному слову. Мне казалось, что слова застряли внутри меня и не хотят выходить наружу.

Герцог несколько мгновений смотрел на меня, а затем его губы едва заметно дрогнули.

— Судя по тому, что из-за него моя жена наутро после венчания собирается требовать развода, сон был не просто странным. Он был довольно убедительным.

Я ожидала насмешки и уже приготовилась обидеться, но её не было. Он не смеялся надо мной. Скорее давал возможность самой решить, готова ли я говорить дальше.

Я промолчала, нервно кусая губы.

Эремон тоже не торопил.

Потом совершенно неожиданно отошёл к креслу возле окна и сел. Не на край, словно собирался немедленно вскочить, а удобно откинулся на спинку, вытянул длинные ноги и сцепил руки на животе.

От этого простого движения вся сцена внезапно изменилась. Он больше не нависал надо мной своим ростом, не стоял между мной и дверью, не требовал ответа. Теперь именно я оставалась на ногах, а герцог смотрел на меня снизу вверх.

— Рассказывай, что тебе снилось, — предложил он.

Я закрыла глаза на несколько секунд, а потом открыла их.

Наверное, выражение моего лица получилось достаточно красноречивым, потому что Эремон чуть склонил голову.

— Вы серьёзно хотите слушать мой кошмар? — спросила я, понимая, как это всё прозвучит.

— Предельно серьёзно. Значит, это был кошмар, верно? — спросил Эремон, пока я пыталась мысленно подобрать слова.

Я нервно усмехнулась.

— И вы спокойно поверите, что ваша жена решила требовать развода из-за того, что ей что-то приснилось? — спросила я, глядя ему в глаза.

На этот раз он всё-таки улыбнулся, но уже иначе — не тепло и не насмешливо, а с той спокойной уверенностью человека, которому кажется преждевременным делать выводы, пока он не услышал все факты.

— Нет, — ответил Эремон. — Я пока вообще ни во что не собираюсь верить. Но если женщина, которая вчера после венчания спрашивала, нельзя ли нарушить обычай и не проводить первую ночь отдельно, сегодня смотрит на меня так, будто успела за эти несколько часов возненавидеть, я предпочту сначала узнать причину. А уже потом решать, насколько разумно рушить брак из-за сна.

Я невольно фыркнула.

Эремон заметил и чуть улыбнулся шире.

И снова сердце предательски дрогнуло.

Вот за это я тоже его любила.

А теперь никак не могла понять, что делать с любовью к человеку, которого сама же уже начала бояться.

Глава 19

— Вы точно подумаете, что я — сумасшедшая, — горько усмехнулась я.

На губах Эремона мелькнула знакомая усмешка, и от одного этого движения у меня внутри болезненно сжалось что-то слишком живое, слишком упрямое, не пожелавшее умереть вместе со мной на каменных ступенях.

— Меллифора, я дракон, — заметил он, откидываясь в кресле и глядя на меня с тем спокойным вниманием, которое прежде неизменно действовало лучше любых уговоров. — Моя бабка до самой смерти уверяла, что однажды полчаса спорила с собственным портретом, а двоюродный дед три года не спал в полнолуние, потому что считал, будто луна следит лично за ним. После моей семьи понадобится нечто посерьёзнее дурного сна, чтобы я решил, будто моя жена сошла с ума.

Смешок вырвался сам, совершенно против моей воли.

И почти сразу застрял где-то в груди, превратившись в боль.

Потому что именно так он всегда со мной разговаривал. Никогда не смеялся над моим страхом и не пытался доказать, что он глупый.

Эремон просто ждал до того момента, когда тревога начинала сдавливать горло слишком сильно, а потом находил одну фразу, от которой становилось легче дышать. Я раньше считала это одним из его лучших качеств. Сейчас же каждое хорошее воспоминание цеплялось за другое — за кровь, мокрый шёлк и тот проклятый дом, — и от этого хотелось содрать собственную память вместе с кожей.

Эремон заметил мою улыбку. В золотисто-карих глазах на мгновение появилось тепло, от которого раньше у меня подкашивались колени совсем по другим причинам.

— Вот так уже больше похоже на тебя, — произнёс он тише.

И именно тогда слёзы окончательно подступили к глазам.

Я резко повернулась к окну, будто за стеклом внезапно произошло что-то невероятно интересное. Солнечный свет расплылся перед глазами, и пришлось несколько раз моргнуть, чтобы не дать слезам сорваться. Почему-то плакать при нём оказалось страшнее, чем при всей его семье. Перед ними это было бы унижением. Перед Эремоном — признанием того, насколько мне всё ещё не всё равно.

— Не делайте так, — попросила я, почти не узнавая собственного голоса.

За спиной стало тихо. Не настороженно, не раздражённо — просто Эремон перестал двигаться, словно понял, что любое неосторожное движение сейчас будет лишним.

— Как именно? — спросил он после короткой паузы.

Я зажмурилась.

Как объяснить ему?

Не будь внимательным. Не смотри на меня так. Не говори тем голосом, который я успела полюбить. Не сиди спокойно в моём кресле, когда мне было бы гораздо проще, если бы ты уже сейчас оказался тем чудовищем, которого я боюсь.

Если бы он вошёл и сразу заявил, что как муж сам решит, поеду ли я в Генфер, приказал мне замолчать или напомнил, что после вчерашней клятвы мои желания уже ничего не меняют, всё стало бы почти легко. Я получила бы право ненавидеть его здесь и сейчас, а не за поступки мужчины, которым он только мог стать.

Но Эремон ничего этого не делал.

Он сидел в кресле и слушал жену, которая наутро после венчания объявила, что хочет развода и не поедет в его родовой дом, а вместо угроз предлагал рассказать о кошмаре.

От этой несправедливости мне хотелось одновременно прижаться к нему и ударить.

— Не будьте таким, — выдохнула я.

Кресло тихо скрипнуло, но Эремон не поднялся.

— Каким? — Красивые брови поднялись.

Я прикусила внутреннюю сторону щеки так сильно, что почувствовала металлический вкус крови.

Хорошим.

Внимательным.

Тем мужчиной, которого я выбрала сама.

И теперь мне оставалось проверить, не ошиблась ли я в этом выборе смертельно.

Глава 20

— Во сне мы тоже уже были женаты, — произнесла я наконец, всё ещё глядя в окно, потому что не была уверена, что сумею продолжить, если увижу его лицо. — Вчера в столице всё произошло точно так же. А сегодня утром вы прислали этот браслет, потом пришли проститься, застегнули его на моей руке и улетели в поместье раньше. Сказали, что хотите предупредить родных и всё подготовить ко второму дню свадьбы. Я ехала одна.

Собственный голос звучал всё менее уверенно. Кожа на виске вдруг начала зудеть, хотя там не было ни царапины; тело словно запомнило рану лучше меня и теперь пыталось вернуть её вместе с каждым словом.

— Ваша мать и сёстры ждали у дома, — продолжила я, проводя пальцами по холодному подоконнику. — Вместе с гостями.

Я могла рассказать ему всё сразу. Про ведро, перья, смех, про то, как его мать объясняла моё унижение древней семейной традицией. Но настоящий страх был уже не там, в воспоминании.

Он сидел в кресле за моей спиной.

Живой.

Настоящий.

И сейчас мог одним ответом уничтожить последнее убежище, в котором ещё прятался здравый смысл.

Если Эремон скажет, что никакой сладкой воды никогда не было, что его мать терпеть не может подобные развлечения, что я выдумала всё от начала до конца, тогда ещё можно будет за что-то цепляться.

Если подтвердит...

Я медленно обернулась.

— В вашей семье действительно принято встречать новую жену сладкой водой?

Эремон не ответил сразу.

И именно эта короткая пауза испугала сильнее любого ответа.

Я почувствовала, как сердце сначала сильно ударилось, а потом будто провалилось куда-то ниже рёбер. Пальцы на подоконнике похолодели.

Герцог провёл ладонью по подбородку, и на его лице появилось недоумение человека, который никак не может понять, почему совершенно безобидная вещь вдруг приобрела такое значение.

— Есть такой обычай, — признал он наконец. — Мать особенно любит старые семейные традиции. Она считает, что в столице о них уже забыли. Но именно на них держится всё благополучие семьи.

У меня перехватило дыхание.

— А перья?

Эремон нахмурился уже сильнее, пытаясь припомнить.

— Да. Перья тоже входят в обряд. Сладкая вода желает молодой жене сладкой семейной жизни, перья — чтобы достаток и счастье держались за дом. Я вырос с этой традицией, Меллифора. Для меня в ней никогда не было ничего унижительного.

Колени ослабли так резко, что пришлось сильнее навалиться ладонью на подоконник. По затылку прошёл холод, а комната на одно мгновение стала слишком яркой, словно я опять ударилась головой о камень.

Эремон поднялся мгновенно.

Я увидела это боковым зрением — тёмная высокая фигура двинулась ко мне, и тело отреагировало раньше сознания. Я выставила руку, не позволяя приблизиться.

Он остановился.

Сразу.

Не потребовал объяснения, не сделал ещё одного шага. Только замер в нескольких шагах, и от того, как быстро он подчинился этому жесту, сердце сжалось ещё сильнее.

Сейчас он уважал границу, которую я провела.

А я уже знала будущее, в котором была уверена, что ему на мои границы плевать.

Глава 21

— Вы всё это знали и ничего мне не сказали, — произнесла я, и слова вышли почти без воздуха.

Эремон внимательно следил за моим лицом.

— Разумеется, знал. И именно поэтому не подумал предупредить. Меня после первого самостоятельного полёта встречали почти так же, только вместо сладкой воды вылили вино. Насколько я помню, я потом неделю пах винным погребом.

При других обстоятельствах я бы улыбнулась.

Сейчас в голове было только одно.

— Почему вы мне не сказали? — прошептала я, глядя на Эремона.

В его лице появилось настоящее непонимание. Не попытка оправдаться и не раздражение из-за обвинения — он действительно не понимал, почему должен был говорить.

— Потому что не считал это важным. Обычная традиция. У каждой уважающей себя семьи есть свои традиции. И я не вижу в этом ничего... странного.

Мир качнулся.

Слова, разумеется, были другими. Но смысл. Смысл был тот самый.

Счёл ненужным.

Я слышала голос его матери так ясно, будто снова стояла в мокром платье среди смеющихся гостей.

Перед глазами потемнело. Я стиснула край подоконника, чувствуя, как ногти царапают дерево, а желудок сворачивается болезненным узлом.

Эремон увидел это. Сделал шаг — и остановил себя раньше, чем я успела снова поднять руку.

И от этого почти захотелось заплакать.

Он хотел подойти ко мне. Он видел, что мне плохо.

Он уже запомнил, что я не хочу его прикосновений, и заставил себя остаться на месте, хотя всё тело явно требовало сделать обратное.

Почему же в другой жизни он не пришёл?

— Что произошло дальше? — спросил Эремон, и от прежней усмешки в его голосе ничего не осталось. — После этой встречи.

Я смотрела на него и чувствовала, как внутри борются два совершенно разных желания. Одно требовало замолчать, потому что это мой второй шанс и я ничего ему не должна. Второе было гораздо опаснее: мне хотелось проверить его.

Не мужчину из моего будущего.

Этого Эремона, который сейчас передо мной и ещё ничего мне не сделал.

Узнать, где проходит граница между ними и существует ли она вообще?

Он всматривался в моё лицо, и, кажется, ответ прочитал раньше, чем я решилась заговорить.

— Так что не так с семейной традицией? — спросил он так тихо, что от голоса по коже пошли мурашки.

Я почувствовала, как пальцы сами поднялись к виску.

— Ваша мать приказала вылить на меня сладкую воду. Сын дворецкого держал ведро и случайно ударил меня им по голове. Край рассёк кожу. Крови было много.

Горло сжалось.

Мне снова стало липко и холодно, хотя платье сейчас было сухим. Я почти ощущала под корсажем сахарную воду, а на губах — приставший пух.

— Потом ваши сёстры засыпали меня перьями, — продолжила я, и голос всё-таки дрогнул. — Все смеялись. Гости, родственники... Ваша мать сказала, что я столичная неженка и что это древний обычай рода.

По лицу Эремона медленно исчезало всё прежнее выражение. Не потому, что он вдруг поверил в смерть и возвращение во времени.

Хуже. Потому что описанное не казалось ему странным.

Я увидела это сразу.

И вот тогда мне стало по-настоящему страшно.

Глава 22

— Я потребовала вас позвать, — продолжила я, заставляя себя смотреть ему в глаза. Мне было важно видеть каждую реакцию, каждую попытку спрятать эмоции. — Ваша мать ответила, что вы знали о встрече и специально прилетели раньше, чтобы они успели подготовиться.

В нижней части лица Эремона что-то изменилось. Челюсть напряглась, на скулах проступили жёсткие тени.

— Я действительно собирался лететь раньше, — признал он после паузы. — Чтобы предупредить их о времени твоего приезда.

Ещё одно совпадение.

Теперь уже не сон. Не случайность.

Я закрыла глаза, потому что комната снова поплыла.

Герцог тихо выругался.

Я никогда прежде не слышала от него ничего подобного, и почему-то это короткое, почти неслышное ругательство испугало меньше, чем его спокойствие.

— Что ещё произошло? — спросил он, и в голосе появилась та холодная сталь, которую я слышала только за переговорным столом.

Я открыла глаза.

— Что? — прошептала я, вглядываясь в его лицо.

Эремон смотрел прямо на меня.

— Это ещё не всё. Ты рассказала достаточно, чтобы отказаться ехать в мой дом, но недостаточно, чтобы отшатнуться от меня так, как отшатнулась. Значит, было что-то ещё.

От этих слов по коже прошла дрожь. Он опять заметил.

Даже сейчас. Даже то, что я сама пыталась не замечать.

Я медленно сглотнула, ощущая сухость во рту.

— Я хотела уехать, — произнесла я, а мой голос показался таким тихим, что я сама себя почти не слышала.

Лицо Эремона стало ещё внимательнее.

— И? — протянул он, требуя ответа.

— Мне не дали.

Мышца у его виска едва заметно дёрнулась.

— Кто именно?

— Слуги. Они перегородили дорогу к карете. Ваша мать сказала, что меня никто не удерживает, а потом показала, что лошадей уже распрягают. Якобы по вашему распоряжению.

Эремон опустил взгляд на пол, а затем провёл большим пальцем по краю перстня.

— Лошадей после такой дороги действительно велено распрягать сразу, — признал он.

— Я распорядился бы об этом заранее.

У меня вырвался короткий болезненный вдох.

Снова. Каждая новая подробность находила своё место в настоящем.

Я отвернулась, чувствуя, как глаза снова наполняются слезами.

Потому что самое страшное я ему ещё не сказала.

Глава 23

— Потом они потребовали моё приданое. Ваша мать сказала, что, если я хочу уйти, должна возместить расходы на свадьбу, а приданого всё равно не хватит. Одна из сестёр схватила меня за руку. Я оттолкнула её, а ваша мать потребовала, чтобы я встала на колени перед ней, дочерью и гостями и просила прощения, — сбивчиво произнесла я, обнажая кровоточащую рану в душе.

Несколько секунд Эремон не двигался.

Потом я увидела, как изменились его глаза.

Золотистый оттенок радужки вспыхнул ярче, почти расплавился вокруг зрачков.

Дракон.

Раньше мне нравилось видеть его таким. Это всегда происходило, когда эмоции становились слишком сильными для человеческой оболочки, и каждый раз я испытывала совершенно неприличное удовольствие от напоминания, что под дорогим сюртуком и спокойными манерами скрывается не совсем человек.

Сейчас тело вспомнило эту реакцию раньше меня.

Я отступила. Совсем немного.

Но Эремон заметил. Огонь в глазах исчез мгновенно. Он будто задушил его внутри.

— Я тебя напугал? — спросил герцог, и голос стал почти неслышным.

Я покачала головой. Нет. Но я лгала.

Пугал не он. Меня пугал мужчина, которым он мог стать.

Пугала мысль, что между этим Эремоном — тем, кто сейчас остановил даже собственный драконий гнев, заметив мой страх, — и тем человеком, которого я ждала на ступенях, лежало всего несколько часов.

— Чем всё закончилось? — хмуро спросил он.

Вот теперь говорить стало по-настоящему трудно.

Я почувствовала, как сердце снова начинает биться слишком быстро. Грудь стянуло, вдохи стали короткими, а руки похолодели.

Эремон не торопил.

Не приближался. Просто ждал продолжения моего рассказа.

И почему-то я была уверена, что если сейчас совру, он заметит это так же легко, как замечал всё остальное.

— Я попыталась добраться до кареты, — произнесла я после долгой паузы. — Побежала. Платье было мокрым и липким. Я запуталась в подоле и упала с лестницы.

На лице Эремона исчез цвет.

— Насколько сильно? — спросил он, и я услышала, как изменился его голос.

Я подняла глаза.

Нам пришлось смотреть друг на друга несколько секунд, прежде чем я смогла произнести:

— Я умерла.

В комнате стало настолько тихо, что где-то за стеной отчётливо затикали часы.

Лора перестала шевелиться.

Эремон тоже.

Он смотрел на меня так долго, что кожа на лице начала гореть под этим взглядом. Мне хотелось отвернуться, но я заставила себя остаться на месте. Пусть видит. Пусть решит, что я безумна. Возможно, это даже было бы проще, чем если он поверит.

Наконец герцог медленно подошёл к столу.

На этот раз я не отступила, но всё тело напряглось так сильно, что заныли плечи.

Эремон взял бархатную коробку, открыл её и несколько секунд молча рассматривал браслет. Большой палец прошёлся по застёжке в форме драконьего крыла — именно по тому месту, где в другой жизни между металлом и камнями запеклась моя кровь.

— И ты поверила, что всё именно так и будет? — спросил он, не поднимая глаз. — Ты считаешь мою мать и моих сестёр — монстрами?

Я кивнула, но потом поняла, что он не видит, и заставила себя ответить:

— Я просто рассказала тебе свой сон. То, что мне приснилось, — произнесла я.

Теперь оставалось узнать, поверит ли он мне — или собственной семье.

Глава 24

— Вы мне верите? — спросила я и сама услышала, насколько тихо прозвучал голос.

Эремон не ответил сразу. Он всё ещё держал в руках раскрытую коробку с браслетом и медленно проводил большим пальцем по золотому драконьему крылу возле застёжки, словно хотел убедиться, что украшение действительно существует.

От его молчания стало трудно дышать. Мне вдруг отчаянно захотелось, чтобы он просто сказал «да», без уточнений и вопросов, и от этого желания сделалось стыдно: ещё несколько минут назад я собиралась потребовать развод, а теперь стояла перед ним и ждала поддержки так, будто снова позволяла себе опереться на него как на мужа.

— Я верю, что тебе это приснилось, — наконец произнёс Эремон.

Напряжение в плечах чуть ослабло раньше, чем я успела понять смысл фразы полностью. Я даже выдохнула, но герцог уже закрыл коробку и поднял на меня глаза.

— И я вижу, что сон был настолько подробным, что ты сейчас воспринимаешь его как прожитый день, — продолжил он. — Но это всё равно был сон, Меллифора. Ты могла раньше мельком увидеть какие-то вещи, услышать имена или разговоры и не запомнить этого сознательно. Я не могу объяснить каждое совпадение — браслет, карету, Ирианну, — но отсутствие объяснения не превращает кошмар в будущее. И если ты спрашиваешь, верю ли я, что моя мать решила встретить мою жену унижением, сёстры заранее приготовились издеваться над тобой, а затем вся семья попыталась отобрать твоё имущество и удержать тебя силой, то нет. В это я не верю.

Облегчение исчезло так быстро, будто его и не было.

— Почему? — спросила я, чувствуя, как внутри снова поднимается та беспомощная злость, от которой там, возле поместья, дрожали пальцы. — Вы только что признали, что традиция существует. Я описала людей, которых никогда раньше не видела. Знала про воду, перья, ваш отъезд, карету. Сколько ещё нужно совпадений?

Эремон положил коробку на стол и выпрямился. Он не повысил голоса, но в лице появилось то выражение, которое я видела несколько раз во время неприятных переговоров: спокойное, собранное, почти холодное, словно эмоции он уже убрал в сторону, чтобы они не мешали размышлять.

— Ты смешиваешь две разные вещи. Да, обычай существует. Да, мать наверняка собиралась его провести. Но из этого не следует, что она хотела тебя унижить. Сладкая вода означает благополучие в браке, перья — достаток и лёгкую семейную жизнь. Этому обряду несколько столетий, через него прошли женщины нашего рода задолго до тебя, и никто не считал себя оскорблённым.

От последних слов кожу словно снова стянуло высохшим сахаром.

Я машинально провела ладонью по шее, хотя она была чистой и сухой, и на мгновение почти почувствовала липкую дорожку воды, заползающую под корсаж.

— Потому что они не считали, значит, и я не должна? — спросила я, дрогнувшим голосом.

Эремон заметил движение моей руки, но на этот раз не приблизился.

— Потому что намерение имеет значение. Если один человек желает другому счастья, а тот воспринимает это как оскорбление, ещё не значит, что первый действительно хотел его оскорбить. Ты могла испугаться. Могла не знать обычая, растеряться из-за толпы, разозлиться после удара ведром. Я этого не отрицаю.

— Мне разбили голову! — возразила я.

— Во сне это произошло случайно, — сразу поправил он, и от его уверенности меня передёрнуло.

Наверное, Эремон увидел это по моему лицу, потому что челюсть у него напряглась.

— И вот это я считаю недопустимым, — добавил он уже жёстче. — Ребёнку вообще не следовало доверять тяжёлое ведро, если он не мог его удержать. Если бы в реальности всё случилось именно так, как тебе приснилось, лекаря должны были бы позвать немедленно. С этим я спорить не буду.

Только виноватым в моём кошмаре по-прежнему оставался один ребёнок.

Глава 25

На несколько секунд мне действительно стало легче. Настолько, что в груди что-то болезненно потянулось к нему навстречу. Он говорил именно те слова, которых я ждала тогда, стоя перед его домом с кровью на перчатке. Запоздалые, произнесённые в мире, где раны ещё не существовало, но всё равно способные задеть то место внутри, которое до сих пор болело.

А потом я вспомнила остальное.

— Они смеялись, Эремон.

Герцог выдохнул и провёл ладонью по лицу, словно только сейчас начинал понимать, насколько разными мы видим один и тот же эпизод.

— Это обряд второго свадебного дня, Меллифора. Ты предлагаешь гостям рыдать на встрече молодой герцогини? — спросил Эремон с искренним недоумением.

У меня внутри всё оборвалось.

Он сказал это совершенно спокойно.

Не желая сделать большее, не издеваясь, даже не защищаясь. Для него ответ действительно был очевидным.

— Над молодой женой, которая стоит перед ними вся мокрая, в перьях и с разбитой головой?

— Не над твоей болью, — терпеливо поправил Эремон. — Над самой ситуацией. Я понимаю, что после удара всё могло выглядеть иначе, но ты сейчас приписываешь каждому человеку во дворе одинаковый злой умысел. Ты уверена, что они собрались посмотреть на твоё унижение. Я вижу родственников и соседей, которых пригласили встретить новую герцогиню по древнему семейному обычаю.

Грудь начало сдавливать так сильно, что пришлось глубже вдохнуть. Я вспомнила корзину у ног Ирианны, белые перья в её руках, улыбки, от которых хотелось провалиться под землю. Перед глазами снова возникло лицо свекрови, когда я показала ей испачканную кровью перчатку.

— Ваша мать сказала, что я слишком изнеженная, чтобы рожать детей. Перед всеми. Потом обсуждала, сколько именно детей я должна вам родить! Разве это не считается бестактным? — произнесла я, глядя ему в глаза.

На лице Эремона мелькнуло раздражение, но совсем не такое, какого я ждала.

— Матушка говорит прямо. Иногда слишком прямо, особенно когда считает человека уже своим. После смерти отца была главой большого дома и привыкла обсуждать наследников так же спокойно, как урожай или ремонт крыла поместья. Я не утверждаю, что мне нравится эта её привычка, но делать из неё доказательство ненависти к тебе тоже не стану.

Я смотрела на него и чувствовала, как под рёбрами медленно растёт холод.

Каждому поступку находилось объяснение.

Не ложь. В этом и заключалось самое страшное. Эремон действительно верил тому, что говорил.

Глава 26

— А когда мне не дали уехать? — дрогнувшим голосом спросила я.

Теперь он нахмурился.

— Во сне ты собиралась отправиться в столицу ночью, после долгой дороги, с разбитой головой и в состоянии, в котором едва держалась на ногах. Даже там слуги могли остановить тебя не потому, что хотели удержать пленницу, а потому, что не позволяли раненой женщине одной отправиться ночью по дороге.

Я почувствовала, как ладони вспотели.

— Значит, удерживать меня силой тоже нормально? — я едва не выкрикнула эти слова.

— Я этого не сказал.

— Они встали перед каретой и не дали пройти! — кричала я, вспоминая лица и голоса.

Эремон несколько секунд молчал, и я видела, как он подбирает слова, стараясь не задеть меня ещё сильнее. От этой осторожности становилось только хуже.

— Я сказал, что хочу понимать, почему этот сон так тебя напугал. Но даже в нём между «удерживали пленницу» и «не позволили раненой женщине одной отправиться ночью по дороге» существует разница. Ты проснулась уже уверенной, что речь шла о первом.

Я нервно рассмеялась, но смех вышел коротким и каким-то больным.

— А приданое? Она тоже требовала его ради моей безопасности? Большие деньги портят женщину? Так что ли получается? — спорила я, поражаясь его спокойствию.

На этот раз герцог замер.

Я сразу поняла, что попала туда, где объяснение закончилось.

— Вот в это я не верю, — произнёс он после паузы.

Слова оказались почти страшнее всех предыдущих.

— Почему?

— Потому что моей семье не нужны твои деньги, — усмехнулся он. — Я понимаю, если бы мы бедствовали. Или были в долгах, как многие аристократы. Но, поверь, мы очень богаты. И твое приданое...

Я почувствовала, как лицо начинает гореть, поэтому перебила его.

— Я не спрашивала, нужны ли они им. Я сказала, что ваша мать потребовала их.

— Во сне, Меллифора, — заметил Эремон.

Последние два слова он произнёс мягко.

От этого стало только больнее.

Я отвернулась и стиснула пальцами ткань юбки. Мне хотелось кричать, но кричать было не на что. Эремон стоял передо мной совершенно спокойный, рассудительный, готовый слушать, и именно поэтому каждая его фраза ложилась тяжелее, чем открытое обвинение во лжи.

— Значит, если однажды я скажу вам одно, а ваша мать другое, вы поверите ей?

Глава 27

Он резко поднял взгляд, и я сразу поняла, что вопрос застал его врасплох.

На несколько секунд в лице Эремона появилось то редкое выражение, когда привычная уверенность давала трещину и ему требовалось время, чтобы подобрать ответ. Мне почему-то захотелось, чтобы он не успел. Чтобы хотя бы раз сказал первое, что пришло в голову, и я наконец услышала правду без красивых слов.

— Я не говорил, что не поверю тебе, — произнёс он наконец, нахмурившись. — Я верю, что тебе приснился этот кошмар и что для тебя он был реальным. Но ты сейчас просишь меня осудить людей, которых в этой жизни ни разу не видела, за поступки из сна. Послушай сама, как это звучит.

Я уже открыла рот, готовая возразить, и вдруг поняла, что не знаю как.

Потому что для него всё действительно выглядело именно так.

Перед Эремоном стояла женщина, которая вчера добровольно стала его женой, а сегодня рассказывала страшную историю о его матери и сёстрах, с которыми ещё не была знакома наяву, и требовала развода. И каким бы настоящим ни казался мне холод камня под щекой, сколько бы раз я ни чувствовала собственную кровь на пальцах, доказать ему прожитое было невозможно.

От бессилия защипало глаза.

— Я их встречала, — всё-таки прошептала я. Голос предательски дрогнул, и пришлось сглотнуть, чтобы продолжить. — Я разговаривала с ними. Я помню их лица, голоса, каждое слово. Для меня это не рассказ о людях, которых я никогда не видела.

Эремон смотрел долго, тяжело, будто пытался одновременно удержать две несовместимые истины.

— Для тебя — нет, — произнёс он тише. — Потому что сон был слишком настоящим. Но это был сон. Я вижу, что ты помнишь его как прожитый день, и не собираюсь спорить с тем, насколько сильно он тебя напугал. Но совпадения, даже очень точные, не превращают кошмар в будущее.

Эта спокойная уверенность ударила сильнее прямого отказа поверить.

Я отвернулась к окну, потому что больше не могла смотреть ему в лицо. Солнечный свет лежал на подоконнике ровной золотой полосой, и от этой мирной, обычной картины происходящее казалось ещё более неправильным. Для меня несколько часов назад смерть была настоящей. Теперь мужчина, которого я любила, стоял за моей спиной и спокойно объяснял, что в реальности я никогда не умирала.

— Меллифора, посмотри на меня, — слышался его голос.

Я не повернулась.

Эремон не подошёл ближе, и от этого стало ещё хуже. Я уже успела заметить, что он запомнил мою реакцию на прикосновение и теперь контролировал каждое движение рядом со мной.

— Я не говорю, что ты лжёшь или всё выдумала нарочно. Я верю, что тебе приснился этот кошмар и что во сне всё было страшно реальным. Но сон не доказывает намерений каждого человека в том дворе. Ты хочешь, чтобы за несколько минут я перечеркнул всю свою жизнь и решил, что моя мать и мои сёстры способны намеренно унижать мою жену, удерживать её силой и пытаться отобрать имущество только потому, что именно так всё выглядело в твоём кошмаре.

Слеза всё-таки скользнула по щеке. Я стёрла её так резко, что кожа под пальцами вспыхнула болью, и тут же разозлилась на себя. Плакать перед ним не хотелось. Особенно сейчас,

когда каждая слеза будто подтверждала его уверенность, что я просто слишком потрясена пережитым.

— Потому что они ваша семья, — глухо сказала я, всё ещё глядя в окно.

Эремон даже не попытался отрицать.

— Да.

Я медленно обернулась.

Он стоял возле стола, высокий, спокойный, совершенно уверенный в собственном ответе. Ни смущения, ни попытки смягчить сказанное. Для него в этом действительно не было ничего постыдного.

— И это всё объясняет? — спросила я, вспоминая холод камня под щекой и свою последнюю мысль перед тем, как мои глаза закрылись.

Эремон чуть нахмурился.

— Для меня семья объясняет многое.

Глава 28

По спине медленно прошёл холод.

Он подошёл к окну, но остановился не вплотную, оставив между нами расстояние. Достаточно большое, чтобы я не чувствовала себя загнанной, и всё равно недостаточное, чтобы перестать ощущать его. Тепло от большого мужского тела казалось почти физическим, запах кожи и древесины снова коснулся дыхания, а я ненавидела себя за то, что даже сейчас замечаю такие вещи.

— Матушка бывает властной, — произнёс он, глядя куда-то во двор. — Ирианна избалована настолько, что временами мне хочется самому отправить её жить в башне, чтобы какой-нибудь влюбленный идиот освободил ее на свою голову. Младшая может обидеться на цвет ленты и помнить об этом полгода. Я знаю их недостатки лучше любого человека в столице, Меллифора. Я видел свою семью в болезни, на похоронах, во время войны, когда мы неделями не знали, кто из нас доживёт до утра. Я знаю, на что они способны. И когда мне говорят, что эти же люди решили ограбить мою жену и превратить её первый день в доме в публичную травлю, я не могу просто согласиться.

Мне вдруг стало трудно дышать.

Не потому, что он говорил жестоко.

Наоборот.

Каждое слово звучало разумно. И от этого хотелось ударить его сильнее.

— Даже если это говорю я? — спросила я, чувствуя, как дрожит мой голос от слез.

Эремон повернул голову.

Наши взгляды встретились.

— Даже если это говоришь ты.

Внутри что-то болезненно сжалось, будто я снова неудачно вдохнула. Я знала, что должна была ожидать подобного ответа, но почему-то всё равно надеялась, что в последний момент он выберет другие слова.

Наверное, на моём лице появилось слишком многое, потому что Эремон тяжело выдохнул и повернулся ко мне полностью.

— Это не означает, что твоё слово для меня ничего не стоит. Конечно, стоит.

— Тогда что оно стоит? — спросила я, глядя ему в глаза.

Вопрос прозвучал резче, чем я хотела. Я уже не пыталась скрыть обиду. Пусть видит.

Эремон несколько секунд молчал, затем провёл большим пальцем по краю перстня, будто ответ требовал большей точности, чем предыдущие.

— Достаточно, поверь мне. Но оно не даст права не доверять тем, кого я знаю всю жизнь. И тем, кого люблю.

Последнее слово отозвалось внутри неприятным толчком.

Люблю.

Вот она, граница, о которую я всё время ударялась, сама того не замечая.

Я тоже была любимой. Наверное. Но они были семьёй раньше меня.

— Значит, если однажды наши слова разойдутся, — спросила я, чувствуя, как ладони снова становятся влажными, — вы сначала станете выяснять, кто из нас говорит правду?

Эремон нахмурился, словно не понимал, почему я так упорно возвращаюсь к одному и тому же.

— Разумеется.

У меня вырвался смех. Короткий, безрадостный.

— А я почему-то думала, что муж будет верить мне, — с горечью насмешки сказала я.

На лице Эремона мелькнуло раздражение, но он быстро его подавил.

— Муж не должен становиться идиотом после венчания, — ответил он спокойно. Потом увидел, как я вздрогнула, и смягчил голос. — Как и жена. Если завтра кто-то придёт к тебе и скажет, что я сделал что-то ужасное, я надеюсь, ты сначала спросишь меня, правда ли это, а не вынесешь приговор со слов другого человека. Я прошу от тебя ровно того же.

Я смотрела на него и чувствовала, как внутри медленно поднимается злость.

Потому что он был прав.

И именно поэтому мне хотелось спорить до хрипоты.

В его идеально выстроенной логике всё было чисто и справедливо. Он просто не понимал одной вещи: иногда человек приходит не с доказательствами, а с дрожащими руками, кровью на платье и просьбой поверить ему хотя бы потому, что больше идти некуда.

Глава 29

Я отвела взгляд.

— А что будет с традицией? — спросила я, гордо вскинув голову.

Тело напряглось раньше, чем он ответил. Пальцы сами сжались на ткани юбки, а в животе появилось неприятное ощущение, будто я стояла на краю лестницы и уже знала, что сейчас оступлюсь.

Эремон понял, о чём я спрашиваю.

— Она состоится. Я не вижу в ней ничего унижительного или опасного.

У меня перехватило дыхание.

Несколько секунд я просто смотрела на него, уверенная, что ослышалась. Но герцог не поправился.

— Меллифора, — продолжил он уже мягче, заметив выражение моего лица, — вчера ты стала моей женой и герцогиней Генфер. Но сегодняшний обряд нужен как раз для другого: моя семья должна принять тебя в родовом доме по древнему обычаю. Я не стану отменять то, что существовало столетиями, только потому, что в твоём сне эта встреча закончилась ужасно. Для меня это значит, что сегодня всё должно пройти правильно и показать тебе разницу между кошмаром и реальностью, а не что сама традиция ужасна.

— После всего, что я рассказала? — вскрикнула я.

Голос сорвался, и я сразу почувствовала, как внутри поднимается паника.

Эремон видел её. И всё равно не отступил.

— Далась тебе эта традиция. Еще раз говорю. Никто не хотел тебя унижить. К тому же, я уверен, что матушка проверяла твой характер.

Я почувствовала, как холодеют пальцы.

— Что? Это была проверка характера? — спросила я, глядя на Эремона.

— Думаю, да.

Ответ пришёл слишком быстро.

— И как, по-твоему, я должна вести себя на этой «традиционной встрече молодой жены»? — спросила я, чувствуя себя так, словно меня уже снова облили сахарной водой.

Эремон на мгновение прикрыл глаза, будто уже начинал уставать от разговора, но когда снова посмотрел на меня, в голосе не было раздражения.

— Вот смотри. Во сне ты сразу восприняла всё как нападение и решила, что тебя унижают. А сегодня попробуй улыбнуться и посмеяться вместе со всеми. Попробуй не перечить маме. Попробуй увидеть в этом древнюю традицию, а не унижение, — произнёс Эремон.

В груди стало тесно.

Я вдохнула, но воздуха не хватило. Перед глазами на мгновение возникло белое платье, мокрый подол и пух, прилипший к ресницам. Я почти почувствовала сахар на губах.

Эремон сразу заметил.

Он поднял ладонь, но не коснулся меня, только остановил её в воздухе, будто хотел удержать меня от падения одним жестом.

— Всё зависит от того, как ты сама видишь ситуацию. Если ты перестанешь видеть в ней нечто ужасное, то, я уверен, всё будет хорошо.

Глава 30

Я смотрела на него и вдруг почувствовала странное, почти болезненное раздвоение.

Мне хотелось сказать, что я его не узнаю.

И одновременно я узнавала его слишком хорошо.

Вот он, тот мужчина, которого я любила. Рассудительный, уверенный, привыкший видеть решение там, где остальные видят проблему. Он действительно не собирался причинять мне боль. Он собирался сделать всё правильно и потом показать мне, что я напрасно боялась.

То есть доказать, что боли вообще не должно было быть.

— Вы хотите повторить всё это, чтобы убедить меня, что я неправильно поняла собственное унижение? — прошептала я.

На скулах Эремона проступили жёсткие тени.

— Я хочу, чтобы ты перестала считать себя униженной заранее только потому, что во сне всё закончилось худшим образом.

От ответа по телу прошёл холод.

Он сделал шаг ближе.

Медленно.

Давая мне возможность отступить.

Я не двинулась, хотя плечи напряглись, а сердце застучало чаще. Эремон тоже заметил это, но теперь не остановился совсем, лишь оставил между нами несколько дюймов, не касаясь.

И этого оказалось достаточно.

От его близости низ живота неприятно сладко свело, и я почти возненавидела собственное тело за то, что оно до сих пор помнило совсем другого Эремона — мужчину, к которому хотелось тянуться, а не от которого хотелось держать расстояние.

— Вчера ты любила меня, — произнёс он тихо. — И сегодня всё ещё любишь. Я вижу это каждый раз, когда ты забываешь бояться и смотришь на меня так, как раньше.

Я почувствовала, как щеки вспыхнули.

Хотелось отвернуться, но он уже поймал взгляд.

— Ты не узнала обо мне ничего нового, Меллифора. Я не предавал тебя, не лгал тебе и не изменял. Я не сделал ничего из того, за что ты могла бы сейчас возненавидеть меня. Но ты собираешься разрушить наш настоящий брак, требуешь развода и отказываешься от второго дня свадьбы из-за сна, который сейчас принимаешь за будущее. Ты только вдумайся.

Голос Эремона стал тише, и от этого каждое слово ощущалось почти прикосновением.

Он был слишком близко. Слишком красив. Слишком знаком.

И хуже всего — слишком прав в одном. Я всё ещё его любила.

Любовь сидела во мне, отравленная страхом, но живая. От одного его взгляда сердце всё равно сбивалось, а тело помнило, как приятно было раньше стоять рядом с ним.

— Для меня оно было, — прошептала я.

Глава 31

Эремон несколько секунд молчал, и впервые за весь разговор на его лице не осталось ни раздражения, ни уверенности человека, который уже нашёл правильное решение.

Его взгляд задержался на мне дольше обычного, будто он пытался представить мой кошмар так, как пережила его я: мокрое платье, кровь на камне, невозможность подняться.

Потом герцог медленно выдохнул и посмотрел на часы.

— Это был сон, Меллифора, — произнёс он спокойнее. — Очень подробный, пугающий, с совпадениями, которым я сейчас не нахожу объяснения. Но всё равно сон. Ты могла что-то услышать раньше, увидеть мельком и не запомнить, а сознание собрало это ночью в один кошмар. Я не знаю, почему он оказался таким точным, но не собираюсь называть его будущим. Сегодня ещё ничего из этого не произошло. Через пять часов карета отправится в Генфер. Я полечу раньше и поговорю с матушкой и сёстрами, чтобы они знали, в каком состоянии ты приедешь и не позволили себе никаких глупостей. Встреча пройдет так, как должна была пройти с самого начала, и ты сама увидишь, насколько реальность отличается от кошмара.

Я почувствовала, как остатки надежды, которую сама же зачем-то продолжала искать в его словах, окончательно оседают внутри тяжёлым комком.

— Значит, вы всё равно хотите, чтобы я туда поехала? — спросила я тихим голосом.

— Хочу, чтобы ты не принимала решение о нашем браке в первые часы после кошмара, в котором пережила собственную смерть, — ответил Эремон.

Он говорил без нажима, но именно эта спокойная уверенность заставляла меня чувствовать себя ещё более бессильной.

— Развод за пять часов ты всё равно не получишь, — продолжил муж. — Ты моя жена, Меллифора, и сегодня тебя ждёт второй день нашей свадьбы. Я не собираюсь тащить тебя в карету силой, если ты именно этого боишься, но прошу хотя бы не превращать сон в свершившийся приговор.

Я сжала губы.

Конечно, он не собирался тащить меня силой.

Ему даже не требовалось этого делать. За стенами комнаты уже существовали венчание, подписи, кольцо на моём пальце, десятки гостей, которые знали, что я стала герцогиней Генфера, и весь род мужа, приготовившийся встречать новую хозяйку дома.

Чтобы отказаться от поездки, мне пришлось бы не просто сказать «нет» одному мужчине, а публично объявить всему свету, что наутро после свадьбы я решила бежать от мужа, потому что увидела собственную смерть.

Эремон, кажется, понял по моему лицу, что я больше не собираюсь спорить. Он поправил манжету, взял со стола перчатки и перед тем, как надеть первую, ещё раз посмотрел на меня.

— Всё будет хорошо. Я буду в Генфере задолго до тебя и прослежу, чтобы сегодняшний день не был похож на твой кошмар. Пять часов, Меллифора. Постарайся за это время хотя бы допустить мысль, что тебе действительно приснился страшный сон, а не собственное будущее.

Мне хотелось спросить, а для чего ещё судьбе понадобилось сначала убивать меня на ступенях его дома, но сил на новый спор уже не осталось.

Эремон подошёл к двери и остановился возле Лоры, которая всё это время старалась выглядеть настолько незаметной, насколько вообще возможно для человека, присутствующего при разговоре о смерти, разводе и первой брачной ночи.

— Позаботьтесь, чтобы её светлость поела перед дорогой, — произнёс он, обращаясь к ней так, словно последние полчаса ничего не изменили.

Лора торопливо кивнула:

— Да, ваша светлость.

Глава 32

Когда дверь за Эремоном закрылась, я ещё несколько секунд смотрела на неё, ожидая услышать удаляющиеся шаги.

Они действительно прозвучали в коридоре, тяжёлые и уверенные, а потом стихли. Через несколько минут где-то снаружи послышались голоса, хлопнула парадная дверь, и я подошла к окну как раз вовремя, чтобы увидеть Эремона на дорожке. Он что-то коротко сказал ожидавшему его мужчине, сбросил сюртук слуге и пошёл дальше, к открытому участку двора.

Я отвернулась раньше, чем над крышей дома успела пройти тень драконьих крыльев. Пять часов.

В другой жизни мне хватило меньшего времени, чтобы приехать в Генфер и умереть. — Госпожа... — осторожно позвала Лора.

Я провела ладонями по лицу, пытаясь хотя бы ненадолго вытолкнуть из головы мужа, свекровь, ведро со сладкой водой и собственную кровь.

— Только не говори мне сейчас о платье, — взмолилась я. Собственный голос вдруг показался плаксивым.

— Нет. Не о платье, — мягко возразила Лора.

По её голосу я сразу поняла, что легче не станет. Лора стояла возле стола, сцепив пальцы перед собой, и никак не решалась продолжить. Я знала это выражение слишком хорошо: так она выглядела, когда приносила неприятные письма от управляющего или сообщала, что очередной поставщик решил увеличить цену ровно накануне большого приёма.

— Что ещё случилось? — вздохнула я, понимая, что плохих новостей на сегодня уже хватит с головой. Ещё одна плохая новость вряд ли способна испортить мне настроение.

— Сегодня утром пришёл ответ из Деруа, — произнесла она и виновато посмотрела на меня. — Мы отправили туда письмо, как вы велели перед свадьбой. Дворецкий ответил только сегодня. Ваша кухня так и не появилась. Она так и не открыла приглашение. Оно лежит нераспечатанное на столике.

На несколько мгновений все мысли об Эремоне отступили.

— Что значит «не появилась»? — спросила я.

Лора покачала головой.

— Уже месяц, госпожа. Ни письма, ни записки, ни посыльного. Дворецкий пишет, что в поместье остались только он, кухарка и две горничные. Остальные разошлись. Жалованье им не платили, хозяйки нет, никто не знает, когда она вернётся. Он... — Лора запнулась, словно сама не хотела произносить следующую мысль. — Он боится, что с госпожой Ангеликой могло случиться что-то ужасное.

Я медленно опустилась в кресло.

Ангелика Деруа исчезла за месяц до моей свадьбы.

Слово «исчезла» я до сих пор старалась даже мысленно не употреблять.

Сначала кухня просто не отвечала на письма. Хотя и до этого нашу переписку можно было назвать «вялой». Мы поздравляли друг друга с праздниками, как это требовал этикет. Изредка интересовались, как дела, и ввали в письмах красивыми словами, что всё хорошо и замечательно.

Потом выяснилось, что её нет дома.

Ещё через неделю дворецкий осторожно сообщил через моего управляющего, что не знает, куда уехала молодая хозяйка и когда собирается вернуться. Я попросила никому ничего не говорить и несколько раз посылала в Деруа письма, всё ещё надеясь однажды получить ответ, написанный знакомым мелким почерком, с очередным объяснением, что Ангелика слишком увлеклась каким-нибудь редким жуком и забыла о существовании остального мира.

Ответа от кузины не было.

И впервые мне стало страшно, что ответить она уже не сможет.

Глава 33

Мы никогда не были особенно близки, хотя оставались друг у друга единственными родственницами по материнской линии. В детстве нас постоянно ставили рядом и удивлялись сходству: одинаковый овал лица, похожие глаза, почти одна и та же фигура. Потом мы выросли, и сходство перестало так бросаться в глаза. Я осталась светловолосой, а волосы Ангелики потемнели до густого каштанового оттенка. Она начала носить огромные очки, собирать волосы в тугий узел и одеваться так, словно вся одежда предназначалась исключительно для того, чтобы не отвлекать человека от действительно важных вещей.

В её случае действительно важными вещами были насекомые.

Однажды Ангелика отказалась ехать на бал, потому что у неё должен был вылупиться какой-то редкий мотылёк. В другой раз полвечера рассказывала мне о строении лапок жука, а потом искренне удивилась, узнав, что молодой человек, сидевший напротив, пытался за ней ухаживать. Я не представляла женщину, которая меньше подходила бы на роль героини любовного скандала.

Тем более насекомых я не любила. Разве что только бабочек. Для них я делала исключение. Остальные насекомые казались мне «фу!». Зато кузина находила их чудесными. И часто говорила, что они намного лучше людей.

И именно поэтому мысль о возможном побеге с мужчиной казалась настолько нелепой, что я не могла её отбросить.

— Может быть, пора обратиться к властям? — тихо спросила Лора. — Месяц — это слишком долго. Если с ней действительно что-то случилось...

Я посмотрела на неё.

— А если она сбежала? — спросила я шепотом. О таких вещах принято было говорить очень тихо. Такой удар по репутации кузины и семьи мог вылиться в страшный скандал.

Лора сразу поняла, что именно я имею в виду. Щёки у неё слегка порозовели, и она опустила глаза.

— С мужчиной? — спросила Лора, пряча глаза.

— Например, — прошептала я.

Одного этого предположения хватило, чтобы у меня неприятно сжался желудок. Не потому, что я считала побег преступлением. Мне было всё равно, кого Ангелика могла полюбить и почему решила не спрашивать разрешения у света. Но свету было не всё равно.

Стоило официально заявить об исчезновении молодой незамужней женщины, и вопрос «куда пропала мисс Деруа?» уже через два дня превратился бы в «с кем сбежала мисс Деруа?». Ещё через неделю нашлись бы люди, якобы видевшие её в гостинице с женатым мужчиной, в порту с иностранцем или ночью в карете без компаньонки. К моменту возвращения самой Ангелики правда уже никому не понадобилась бы.

— Если она действительно сбежала с кем-то, а мы поднимем стражу, её имя окажется во всех гостиных столицы раньше, чем найдут хотя бы след, — сказала я, потирая пальцами висок. — Представь, что она вернётся через неделю. Одна. Может быть, этот человек её бросил. Может быть, она сама поняла, что совершила глупость. Как ей потом жить, если весь свет будет обсуждать, где она провела этот месяц и с кем?

— Но если она не сбежала... — Лора договорила не сразу. — Если её кто-то убил или увёз силой, мы теряем время.

Вот поэтому я и не спала несколько ночей перед свадьбой.

Любой выбор мог оказаться неправильным.

А времени на правильный выбор могло уже не остаться.

Глава 34

Если Ангелика лежала где-нибудь в лесу, а я целый месяц защищала её доброе имя вместо того, чтобы искать убийцу, мне нечем было бы себя оправдать. Но если кузина впервые в жизни влюбилась, потеряла голову и действительно уехала с мужчиной, я могла своими руками уничтожить ей возможность вернуться к нормальной жизни.

Самое неприятное заключалось в том, что спросить было больше не у кого.

— Дворецкий пишет, что не решается обращаться сам, — добавила Лора. — Вы — её единственная родственница. Он считает, что только вы можете принять такое решение.

Я откинулась на спинку кресла и закрыла глаза.

Прекрасно.

Сегодня мне предстояло решить, ехать ли второй раз в дом, возле которого я уже умерла, и одновременно определить, достаточно ли вероятно убийство моей кузины, чтобы ради его расследования заранее опозорить её на весь высший свет.

Наверное, у судьбы действительно было странное чувство юмора.

— Пока никаких властей, — произнесла я наконец. Лора подняла голову, и я сразу добавила, не желая, чтобы решение прозвучало как попытка забыть об Ангелике. — Но и оставлять поместье без людей нельзя. Если слуги разбегутся окончательно, через месяц от дома останутся голые стены, а мы даже не узнаем, что принадлежало кузине до её исчезновения.

Я потянулась к бювару, открыла ящик и достала чековую книжку вместе с пачкой чистых платёжных распоряжений. Руки ещё немного дрожали после разговора с Эремоном, и первое перо пришлось отложить: кончик оставил слишком жирную кляксу возле даты.

— Напиши управляющему, чтобы из моих личных средств выплатили всё жалованье, которое задолжали дворецкому, кухарке и обоим горничным за последний месяц. Полностью. Отдельно выделить деньги на содержание дома, продукты и самое необходимое для хозяйства. Я не хочу, чтобы старик начал продавать мебель только потому, что ему нечем кормить людей.

Лора придвинула чернильницу и села напротив, быстро записывая распоряжения. Я заполнила первый документ, затем второй, указав сумму, которой должно было хватить на выплату задолженности и текущие расходы. Внизу страницы пришлось подписаться новой фамилией.

Меллифора, герцогиня Генфер.

На мгновение рука замерла.

Вчера я выводила её впервые с глупым счастьем, несколько раз рассматривая непривычное сочетание букв. Сегодня та же фамилия напоминала о том, что через пять часов за мной придет карета мужа.

Глава 35

Я заставила себя закончить подпись и передала лист Лоре.

— Дворецкому скажи, чтобы дом не закрывал и ничего не выбрасывал. Комнаты Ангелики, её бумаги и личные вещи должны остаться как есть. Если вернётся — она не должна обнаружить, что за время её отсутствия собственный дом успели разобрать на память.

— А если остальные слуги тоже захотят уйти?

— Пусть рассчитывает их честно. Удерживать никого не нужно. Но тех, кто останется, мы не бросим без денег только потому, что хозяйка неизвестно где.

Лора кивнула и сложила бумаги в отдельную папку. Я уже хотела убрать чековую книжку, когда взгляд снова упал на письмо из Деруа.

— Госпожа... — нерешительно начала она. — Вы всё-таки думаете, что она могла сбежать?

Я долго смотрела на фамилию кузины на конверте.

— Я понятия не имею, на что способна Ангелика, — призналась я. — В этом и проблема. Мы не были настолько близки, чтобы она рассказала мне, если бы влюбилась. И не настолько чужими, чтобы я могла просто решить, что это не моё дело.

Мне вспомнилась последняя наша встреча. Ангелика сидела за столом, склонившись над стеклянной коробкой с каким-то чудовищно уса́тым жуком, который до этого укусил ее за палец, поправляла съезжающие очки и почти не слушала мой рассказ о свадьбе. Я тогда обиделась. Сейчас готова была отдать слишком многое за возможность снова увидеть, как она рассеянно кивает, думая о своих насекомых.

— Если она жива и просто сделала глупость, я не хочу становиться человеком, который превратит эту глупость в приговор на всю жизнь, — произнесла я. — Но если через несколько дней мы не получим никаких известий, придётся решать снова. Я не собираюсь бесконечно прикрывать возможный побег, если ценой окажется её жизнь.

Лора закрыла папку и прижала её к груди.

— Я всё передам.

Она уже направилась к двери, когда я остановила её.

— И никому ни слова. Особенно о возможном мужчине, — предупредила я.

Лора повернулась ко мне с почти оскорблённым выражением.

— Конечно, госпожа.

— Я знаю. Просто сегодня мне почему-то особенно хочется быть уверенной, что люди слышат именно то, что я сказала.

После Эремона эта фраза прозвучала горче, чем я собиралась.

Лора ничего не ответила. Только кивнула и вышла, оставив меня одну среди коробок со свадебными украшениями, писем, платёжных бумаг и платья, которое через несколько часов должно было превратить меня в молодую герцогиню Генфер перед всей семьёй мужа.

На столе рядом лежал конверт из Деруа.

Я протянула руку, коснулась пальцем фамилии Ангелики и подумала, что где-то сейчас существует женщина, которую никто не может найти, а здесь сижу я — женщина, которая знает слишком точно, где окажется к вечеру, и готова отдать что угодно, лишь бы туда не ехать.

Глава 36

Письмо Ангелики ещё несколько минут лежало под моей ладонью, но мысли уже снова возвращались к Генферу.

Я видела перед собой то двор, то лицо Эремона, когда он совершенно спокойно объяснял, что сегодня всё будет иначе. В его уверенности было что-то почти заразительное.

Мне хотелось поверить, что достаточно изменить несколько мелочей: предупредить свекровь, не спорить с Ирианной, позволить облить себя сладкой водой и даже, если понадобится, посмеяться вместе со всеми.

Тогда страшная цепочка не сложится. Никто не схватит меня за руку, никто не станет требовать приданое, я не побегу к карете и не разобью голову о камень.

Именно поэтому я не могла просто запереться в комнате и отказаться ехать.

Если Эремон прав, я разрушу собственный брак из-за будущего, которое больше не существует. Я сама превращу вчерашнюю счастливую свадьбу в скандал. А человека, которого ещё несколько часов назад любила, — во врага, даже не дав ему возможности сделать хоть что-нибудь иначе.

Эта мысль причиняла почти столько же боли, сколько воспоминание о ступенях.

Я слишком хорошо понимала, насколько несправедливо обвинять мужа в поступках, которых он пока не совершил, и слишком хорошо помнила, сколько крови осталось на камне из-за того, что в прошлый раз доверилась ему безоговорочно.

Мне требовалось не решить, прав ли Эремон.

Мне требовалось сделать так, чтобы цена моей ошибки больше не оказалась такой высокой.

Я придвинула кресло к окну, забралась в него с ногами и почти час перебирала возможные выходы, пока за стеклом медленно менялся свет. Иногда мне казалось, что я наконец нашла решение, но стоило пройти его мысленно до конца, как обнаруживалась очередная стена.

Можно было не ехать в Генфер. Тогда второй день свадьбы сорвётся, гости разъедутся, а к вечеру половина столицы узнает, что герцогиня Генфер отказалась появиться в доме мужа на следующий день после венчания. Причину никто слушать, разумеется, не станет. Скандалу вообще редко требуется причина, когда у него есть молодая жена, брачная ночь и достаточно скучающих людей.

Можно было сбежать.

Эта мысль продержалась дольше остальных, потому что в ней хотя бы чувствовалось движение. Уехать из столицы, пока Эремон летит в Генфер, взять деньги, несколько платьев и исчезнуть прежде, чем муж поймёт, что произошло. Только уже через несколько минут я представила последствия и почувствовала, как неприятно сводит живот.

Замужняя женщина не исчезает просто так.

Она обязательно исчезает с мужчиной.

Если мужчины нет, его придумают.

Найдётся кто-нибудь, с кем я слишком долго танцевала, кому однажды улыбнулась или позволила проводить себя до экипажа. Через неделю мне подарят любовника, ещё через две — тайную беременность, а к концу месяца я сама уже едва узнаю себя в рассказах людей, которые никогда со мной не разговаривали.

Отец всю жизнь учил меня, что честь иногда остаётся единственным имуществом, которое невозможно купить обратно, если однажды позволил его отнять.

Я не хотела отдавать свою репутацию на растерзание скучающему обществу, охочему до любого повода и скандала.

Тем более вот так.

Развод был честнее, но не быстрее.

Я уже знала это. Даже если поверенный начнёт процедуру сегодня, мне всё равно придётся объяснять причины, ждать слушаний, отвечать на вопросы, а до решения суда оставаться женой Эремона.

И если муж решит, что развод — всего лишь истерика напуганной женщины, у него останется не только время, чтобы переубедить меня. Я всё ещё буду его женой. Он сможет потребовать моего возвращения в Генфер, и тогда уже мне придётся доказывать, почему я имею право не возвращаться.

Доказывать чем?

Тем, что однажды уже умерла на ступенях его дома?

Я закрыла глаза.

Вот в чём была настоящая ловушка. Просто уехать я могла. Перестать быть женой Эремона — нет.

Через несколько часов выбирать предстояло уже не между браком и разводом, а между доверием и жизнью.

Глава 37

Я устало откинулась на спинку кресла и посмотрела на потолок.

Комната казалась слишком мирной для мыслей, которые приходили мне в голову. Возле окна стояли свадебные цветы, на кресле лежала белая накидка, за дверью время от времени проходили слуги, готовившие меня к самому счастливому дню после венчания. Только я уже знала, что несколькими часами позже могу снова лежать на камне и смотреть, как кровь собирается возле пальцев.

От воспоминания кожа на затылке сжалась сама собой.

Я провела рукой по волосам, нащупывая совершенно целую кожу, и вдруг подумала, что лучше умереть, чем второй раз пережить то унижение.

Мысль оказалась настолько дикой, что я даже усмехнулась.

Умирать мне совершенно не хотелось!

Одного раза вполне хватило, чтобы понять: смерть сильно переоценена теми, кто никогда не пробовал. И уж тем более теми, кто восхвалял ее в стихах и прозе. Глупые, глупые люди романтизировали смерть, пытаясь придать ей какой-то шарм, называя ее Господином или Дамой.

Я прикрыла глаза, всё ещё слабо улыбаясь собственной глупости, и именно тогда вспомнила матушку.

Не саму её сначала, а голос.

Она рассказывала эту историю поздними вечерами, когда отец уже уходил к себе, а мы оставались вдвоём возле камина. В детстве я считала её одной из самых смешных семейных легенд и каждый раз просила повторить момент, когда бабушка Джульетта впервые увидела собственного жениха и вместо того, чтобы выпить приготовленное зелье, решила, что смерть может немного подождать.

Я медленно выпрямилась.

Улыбка исчезла с моего лица.

Матушка тоже почти не знала человека, за которого её собирались выдать. В их время это никого особенно не удивляло: родители договорились, семьи сочли союз удачным, а мнение дочери предполагалось выяснить где-нибудь между примеркой свадебного платья и церемонией, если вообще останется свободная минута.

Тогда бабушка Джульетта рассказала ей о собственном способе решить проблему нежеланного брака.

У Джульетты, разумеется, даже бегство выглядело как военная операция. Ведь ее отцом был суровый майор.

Перед своей свадьбой она раздобыла редчайшее зелье, которое на два дня останавливало жизненные процессы настолько полно, что обмануть можно было не только врача. Магическая проверка тоже подтверждала смерть. Дар исчезал, тело остывало, сердце не билось, дыхание невозможно было обнаружить ни зеркалом, ни заклинанием. Человек становился мёртвым для любого, кто пытался это проверить.

Только на самом деле продолжал жить.

Джульетта собиралась дожидаться свадьбы, посмотреть на мужа и, если тот окажется чудовищем, выпить зелье в первую же подходящую ночь.

Потом должны были состояться похороны.

Она заранее выяснила даже такие подробности.

Аристократов хоронили в фамильных склепах, где каменные саркофаги закрывали тяжёлыми плитами.

С погребением в знатных семьях не тянули: тело переносили в фамильный склеп не позднее следующего дня. В этом план Джульетты хотя бы сходилась со сроком действия зелья.

Через двое суток действие зелья прекращалось, магия возвращалась, а изнутри крышку можно было сдвинуть силовым толчком. Бабушка утверждала, что проверяла это на пустом саркофаге и лично убедилась: если не запечатывать плиту дополнительными чарами, выбраться можно.

Вот с чарами было хуже. Я не знала, запечатывают ли саркофаги Генферов, а спросить об этом накануне собственной предполагаемой смерти так, чтобы никто не насторожился, представлялось почти невозможным. Значит, эту часть плана придётся оставить на удачу.

Хотя, память мне подсказывала, что обычно чарами запечатывали только тех, кого убили. Или тех, кого отравили. Чтобы скрыть обстоятельства смерти на случай проверки.

Сомнительную смерть стараются герметично закрыть вместе с покойником, особенно в аристократической семье, где важнее избежать скандала, расследования и вопросов к наследникам. Умер дедушка «от сердца» — никто не должен увидеть следы яда. Муж «скончался ночью» — никто не должен узнать про пятнадцать ран.

У меня же будет обычный сердечный приступ. Сомневаюсь, что меня будут запечатывать, как семейную тайну.

Эта мысль меня успокоила.

Дальше оставалось вернуть крышку на место и исчезнуть.

Никто не станет открывать могилу молодой женщины просто из любопытства. Даже самые циничные родственники начинали вспоминать о приличиях, как только дело касалось фамильного склепа. Да и привидений среди аристократов боялись значительно сильнее, чем признавались за ужином.

Я тогда долго смеялась и спрашивала матушку, действительно ли бабушка собиралась жить где-нибудь под чужим именем.

Матушка ответила, что Джульетта собиралась жить где угодно, лишь бы не с отвратительным мужем.

Глава 38

План не понадобился.

Жених оказался красивым, умным, терпеливым и, по словам матушки, первым человеком, который посмотрел на Джульетту так, будто её характер представлял не недостаток, а особую разновидность стихийного бедствия, которым почему-то хотелось любоваться.

Они прожили вместе почти сорок лет.

Зелье осталось в шкатулке.

Позже Джульетта передала его дочери уже как семейную страховку. Матушка тоже не воспользовалась флаконом, потому что мой отец оказался тем самым редким случаем, когда решение родителей действительно совпало с человеческим счастьем.

После её смерти шкатулка досталась мне.

Я сидела совершенно неподвижно, чувствуя, как сердце начинает биться быстрее.

Она всё ещё стояла в комнате матушки.

Большая, тёмная, с серебряной накладкой на крышке.

Я видела её сотни раз.

Внутри лежали старые письма, несколько украшений, засушенные цветы, какие-то записки и маленький флакон, который я в детстве пыталась однажды взять в руки. Матушка тогда хлопнула меня по пальцам и сказала, что семейные легенды гораздо смешнее, если дети не пытаются случайно умереть на два дня.

Я резко поднялась.

Сначала даже не поняла, куда именно собираюсь идти.

Разум ещё пытался сопротивляться, убеждая, что сама мысль нелепа.

Эремон сейчас летит к семье, чтобы предотвратить страшное будущее. Возможно, через несколько часов я буду стоять перед свекровью, которая улыбнётся, аккуратно плеснёт мне на ладони несколько капель сладкой воды, а потом сама рассмеётся над рассказом о ведре. Возможно, всё закончится ужином, танцами и неловкими извинениями.

Тогда я вернусь домой и буду стыдиться того, что вообще вспомнила о зелье.

Но если он ошибается?

Я остановилась посреди комнаты.

В прошлый раз я тоже надеялась.

До самого последнего момента.

Даже когда свекровь унижала меня перед гостями, я продолжала смотреть на окна и ждать мужа. Даже когда слуги преградили дорогу, находила разумное объяснение распоряжению насчёт лошадей. Мне потребовалось слишком много времени, чтобы понять, что никто не собирается спасать меня только потому, что мне плохо.

В этот раз я не могла позволить себе приехать туда без выхода.

Не потому, что уже решила умереть.

Потому что хотела иметь право не умирать по-настоящему.

Я вышла в коридор и направилась в комнаты матушки.

Там почти ничего не изменилось после её смерти. Мы убрали личные вещи, которые слишком больно было видеть каждый день, но мебель осталась прежней. Те же светлые шторы, тот же туалетный столик с овальным зеркалом, тот же шкаф, пахнувший лавандой и деревом.

Шкатулку я нашла на нижней полке.

Она оказалась тяжелее, чем я помнила.

Я поставила её на стол и несколько секунд просто смотрела на замок, чувствуя совершенно нелепое сопротивление. Будто открыть крышку означало признать, что я всерьёз рассматриваю возможность однажды воспользоваться содержимым.

Потом всё-таки повернула ключ.

Внутри лежало ровно то, что я помнила.

Письма. Украшения. Засохший цветок между страницами маленького молитвенника. И бархатный футляр.

Я открыла его.

Тёмное стекло почти не отражало свет. Серебряная пробка потемнела от времени, но осталась целой, а тонкая бумажная полоска вокруг горлышка сохранила два слова, написанные рукой Джульетты.

«На случай».

Глава 39

Я не удержалась и тихо фыркнула.

Даже спустя десятилетия бабушка умудрялась звучать так, словно речь шла не о собственных похоронах, а о запасной паре перчаток.

Под флаконом лежала записка.

Я развернула её осторожно, боясь порвать старую бумагу.

Несколько строк объясняли то, что когда-то рассказывала матушка: первые признаки действия появляются быстро, но сколько времени проходит до полного угасания, Джульетта почему-то не написала. Только перечислила их: слабость, холод, перебои сердца, помутнение зрения. После того как жизненные процессы полностью остановятся, состояние должно продлиться двое суток. Магическое поле тоже подавлялось полностью, а пробуждение происходило постепенно.

Внизу отдельно было написано, что состав не теряет свойств, пока флакон запечатан.

Я перечитала последнюю строчку дважды.

Магические зелья действительно могли храниться десятилетиями.

Особенно такие.

Я опустила на стул и поставила флакон перед собой. Если всё повторится, у меня будет выход. Эта мысль принесла облегчение настолько сильное, что мне стало почти стыдно. Я не обязана бежать через двор. Не обязана прорываться к карете. Не обязана спорить с людьми, которые уже решили, что знают, где моё место.

Если другого выхода не останется, герцогиня Генфер просто умрёт.

Никто не сможет обвинить её в бегстве. Никто не придумает любовника. Никто не скажет, что я опозорила мужа, бросив его после свадьбы. Мне устроят похороны, положат в гроб цветы, запрут саркофаг и оставят в покое.

Через двое суток я открою глаза.

Я коснулась пальцем холодного стекла и почувствовала, как внутри что-то неприятно дрогнуло.

Хорошо. Допустим.

Я «умру».

А дальше?

Этот вопрос почти сразу уничтожил всё облегчение.

Меллифора Генфер после похорон перестанет существовать не только для Эремона. Для всех.

Я не смогу вернуться в собственный дом и сообщить слугам, что смерть оказалась недоумением. Не смогу прийти в банк, снять деньги или потребовать доход с земель. Любой документ на моё имя будет принадлежать мёртвой женщине. Даже если я доберусь до другого города, мне понадобится имя, происхождение, история, деньги и хотя бы минимальное объяснение, откуда всё это взялось.

Новая жизнь красиво звучала в рассказах Джульетты, потому что никто никогда не спрашивал, как именно бабушка собиралась покупать первый ужин после побега из фамильного склепа.

Я усмехнулась, но на этот раз веселья не почувствовала.

В голове одна за другой возникали проблемы, и каждая следующая делала план безумнее предыдущего.

Я могу взять деньги заранее. Но крупная сумма исчезнет перед моей смертью и неизбежно вызовет вопросы.

Можно спрятать драгоценности. Но продать фамильные украшения женщине без имени будет непросто, а любой хороший ювелир запомнит вещь герцогини Генфер. Меня даже могут обвинить в воровстве. И тогда всё вскрыется. Мне придется сообщить, что смерть была ложной, иначе меня повесят.

Можно придумать новое имя.

Только имя само по себе ничего не даёт. Благородная женщина не появляется из воздуха. У неё должны быть родственники, документы, история, знакомые.

Я закрыла глаза и устало провела ладонью по лицу.

И увидела на столе конверт из Деруа.

Вернее, вспомнила про него.

Ангелика. Моя пропавшая кузина.

Глава 40

Я замерла.

Нет! Что-то внутри тут же начало протестовать против мысли, которая внезапно озарила меня как солнце после грозы.

Первая реакция оказалась почти физической. Я даже отодвинула от себя флакон, словно именно он подsunул мне эту мысль.

Ангелика могла быть жива. Может быть, сейчас возвращалась домой.

Может быть, действительно уехала с мужчиной и через несколько дней появится в Деруа с разбитым сердцем, страшно злая на всех и совершенно не подозревающая, что ее кузина решила примерить её имя.

Это было отвратительно.

И всё-таки мысль уже появилась. Но самое страшное, что отогнать её полностью не удалось.

Мы с Ангеликой были похожи.

Не настолько, чтобы человек, видевший нас вчера, перепутал одну с другой. Но достаточно, чтобы в детстве родственники постоянно это обсуждали. Один овал лица, похожая форма глаз, одинаковый рост. Главное различие всегда бросалось в волосы: у меня светлые, у неё густые каштановые.

И ещё очки.

Ангелика без своих огромных стёкол выглядела почти другим человеком, но я видела её такой всего несколько раз. Для всех остальных очки давно стали частью лица и вросли в ее переносицу. В этих жутких очках она напоминала серую стрекозу, которая взалхлеб рассказывает про своих жуков всем, кто не успел покинуть ее из вежливости.

Я вернулась в свою комнату быстрее, чем собиралась, и почти сразу остановилась возле зеркала.

Светлые волосы. Если сделать их каштановыми...

Я нахмурилась, пытаюсь представить себя каштановой. Пока получалось так себе. Может, у меня проблемы с воображением?

Нужно будет снять украшения, убрать волосы в тугий узел, надеть простое тёмное платье и добавить огромные круглые очки Ангелики.

В зеркале всё ещё была бы я.

Но уже не совсем. Мои руки стягивали волосы в пучок. А я морщила нос, как Ангелика, когда кто-то умудрялся вежливо зевнуть во время ее вдохновенной лекции.

От этой мысли по коже прошёл холод.

Я отвернулась.

Нет. Так нельзя... Точно нельзя. Или... или можно?

Я не собиралась красть жизнь кузины.

Мне требовался выход на случай катастрофы, а не новый преступный план. Однако даже временно чужое имя решало слишком много проблем, чтобы полностью забыть о нём.

Ангелика была настоящим человеком. Единственной родственницей Меллифоры по материнской линии. Её поместье существовало. Её происхождение можно было проверить.

При этом она почти не появлялась в столице, не любила общество и последние годы жила настолько замкнуто, что многие знали фамилию Деруа значительно лучше, чем лицо Ангелики.

Даже слуги в её доме не видели её целый месяц. Тем более что там почти никого не осталось.

Самое важное — они не помнят меня.

Я последний раз приезжала туда почти девочкой.

Старый дворецкий, возможно, ещё помнил светловолосого ребёнка, который проводил лето с его хозяйкой, но взрослую герцогиню Генфер он сегодня едва ли узнал бы. Кухарка сменилась. Горничные появились позже.

Но они знали Ангелику.

Это было хуже.

Люди, прожившие рядом с человеком несколько лет, запоминают не цвет волос. Они знают, как он ходит, какой рукой берёт чашку, что ест на завтрак и какую дверь всегда забывает закрыть.

Но Ангелика отсутствовала месяц.

Что бы с ней ни случилось, она могла вернуться другой.

Я тут же почувствовала отвращение к тому, насколько быстро разум начал помогать этой мысли. Словно внутри меня сидела совершенно отдельная женщина, которой было всё равно, насколько приличен план, если он позволяет выжить.

Я подошла к столу.

Письмо из Деруа всё ещё лежало там, где его оставила Лора. Рядом находилась стопка чистых бланков.

Я долго смотрела на них, прежде чем сесть.

Потом взяла два. Первый документ был совершенно нормальным. Именно это пугало сильнее всего.

Завещание.

Глава 41

Если со мной что-нибудь случится, имущество, которым я имею право распоряжаться самостоятельно, получит моя кузина Ангелика Деруа.

Она была моей ближайшей родственницей. В этом не существовало ничего подозрительного. Более того, если кузина найдётся завтра, я буду только рада, что заранее позаботилась о ней.

Я немного успокоила совесть, окунула перо в чернила и начала писать.

Рука несколько раз останавливалась, но не потому, что я сомневалась в формулировках. С каждым новым словом план становился реальнее.

В конце я поставила подпись.

Меллифора, герцогиня Генфер.

Чернила ещё блестели, когда я придвинула второй бланк.

Свадебный подарок.

Так тоже было принято. После брака молодая женщина могла сделать подарки близким родственникам, особенно тем, кто по каким-то причинам не присутствовал на торжествах.

Ангелика не приехала.

Я собиралась передать ей крупную сумму.

Очень крупную по меркам скромного провинциального поместья.

Перо замерло над цифрами. Если кузина вернётся, пусть пользуется. Думаю, что это будет хорошей платой за ее молчание.

Если не вернётся... Я не закончила мысль.

Просто увеличила сумму ещё немного. Это мне на первое время. Наследства придётся ждать минимум полгода. А жить на что-то надо.

Эти деньги должны были перейти Ангелике при моей жизни, а не после смерти. Тогда даже после похорон герцогини Генфер они останутся собственностью мисс Деруа, и никакой муж не сможет заявить, что вдовец и его родственники... Я осеклась на собственном слове и почти рассмеялась.

Вдовец. Слово прозвучало странно, ведь я не собиралась умирать по-настоящему.

Я аккуратно промокнула подпись и сложила оба документа.

Сердце билось слишком быстро для женщины, которая всего лишь решила проявить щедрость к пропавшей кузине.

Я убрала бумаги в отдельную папку и только после этого заметила собственное отражение в зеркале.

Светлые волосы снова заставили вспомнить Ангелику.

Краска.

Достать каштановую краску было проще всего.

Любой хороший парикмахер мог изменить оттенок за несколько часов, а можно было заранее купить состав и спрятать вместе с одеждой. Огромные очки найти тоже несложно. Простое платье без вышивки и дорогой отделки превращало герцогиню в совсем другую женщину быстрее любой магии.

Я поймала себя на том, что уже мысленно выбираю фасон, и резко отодвинулась от стола.

Хватит.

Я ещё никуда не бежала.

Мне просто хотелось проверить сегодняшний день.

Эремон, возможно, прав.

Может быть, сейчас он прилетит в Генфер, поговорит с матерью, и вся страшная сцена, которую я помнила, рассыплется ещё до моего приезда. Может быть, через пять часов я буду

смеяться вместе с его сёстрами, а вечером сама расскажу мужу про зелье Джульетты и признаюсь, насколько сильно испугалась, что едва не инсценировала собственную смерть.

Мне неожиданно захотелось именно этого.

Не побега. Не новой фамилии. Не жизни Ангелики.

Я хотела свою жизнь, свое счастье с мужем, которого вчера любила настолько, что с радостью произнесла клятву.

И всё же маленький флакон перекочевал из бабушкиной шкатулки в карман моего дорожного саквояжа.

Глава 42

Я спрятала его глубоко, между сложенными платками, чтобы случайно не разбить и чтобы никто не увидел. Потом я хорошенько подумала и решила уже в карете переложить его поближе. Засунуть в рукав платья или в корсаж. Не хватало еще копаться в вещах, в поисках флакона. Он должен быть так близко, чтобы я смогла выпить его незаметно.

Потом я вернулась к столу и положила ладонь на два подписанных документа.

Если всё будет хорошо, завещание останется просто завещанием, а Ангелика однажды получит слишком щедрый свадебный подарок и наверняка решит, что брак окончательно лишил меня здравого смысла.

Если всё будет плохо, у меня появится выбор.

В прошлый раз выбора не было.

Я снова вспомнила чужих слуг возле кареты, их руки, перекрывающие дорогу, мокрую юбку, в которой невозможно бежать, и спокойное лицо свекрови, уверенной, что никуда я не денусь.

В этот раз она ошибётся. У меня был план.

В дверь осторожно постучали.

Лора вошла вместе с двумя горничными, которые несли белое платье для родового приёма.

Увидев его, я на несколько секунд перестала дышать.

Это было то самое платье, которое я видела во сне.

Белый шёлк, жемчуг, длинный тяжёлый шлейф.

В прошлой жизни через несколько часов эта ткань прилипнет к ногам от сладкой воды и станет настолько тяжёлой, что я не успею удержаться на ступенях.

Одна из девушек улыбнулась.

— Ваша светлость, модистка просила передать, что всё готово. Она позволила себе немного изменить отделку и фасон. Она просит простить её за дерзость, но считает, что так вам будет лучше. Можно начинать одеваться.

Я посмотрела на платье, потом на собственные руки.

Страх никуда не исчез. Но теперь он уже не был единственным, что я чувствовала.

Где-то в саквояже лежал маленький тёмный флакон.

На столе сохли две подписи.

И впервые с того момента, как я открыла глаза после смерти, я знала: что бы ни произошло в Генфере, второй раз загнать меня в угол будет значительно сложнее.

— Начинайте, — произнесла я, поднимаясь из кресла. — Я еду к мужу.

Я не знала лишь одного: в Генфере меня ждала не прежняя жизнь. Меня ждала смерть, которая уже однажды ошиблась — и теперь хотела исправить промах.

Глава 43

Всё, что происходило после этого решения, потом вспоминалось мне так, словно я действительно продолжала спать.

Лора отдавала распоряжения, горничные затягивали шнуровку нового платья, кто-то приносил дорожную накидку, кто-то спрашивал, какие сундуки отправлять следом, а я отвечала на вопросы и даже, кажется, ни разу не ошиблась.

При этом внутри меня будто ничего не происходило. Страх, который с самого пробуждения не давал спокойно вдохнуть, выгорел до странного оцепенения, и я только время от времени касалась чемодана, проверяя, на месте ли спрятанный среди вещей флакон.

Про документы я вспомнила уже почти перед самым отъездом.

Оба лежали в запечатанном конверте, и вид собственного герба на сургуче почему-то испугал сильнее, чем написанное внутри. Пока бумаги находились у меня, всё ещё можно было сказать себе, что это всего лишь безумная страховка напуганной женщины. Стоило передать их дальше — и завещание становилось настоящим завещанием, а свадебный подарок Ангелике действительно должен был перейти на её имя.

Томас пришёл сразу, как только я попросила его подняться.

Старый дворецкий служил ещё моему отцу и обладал редким талантом выглядеть одинаково невозмутимым и во время пожара на кухне, и когда королевский посланник неожиданно являлся к ужину.

Поэтому перемена в его лице была почти незаметной: он принял черный конверт, в который полагалось упаковать завещание, и чуть сильнее сжал губы.

— Полагаю, это завещание? Мадам, вы себя плохо чувствуете? — обеспокоенно спросил он, уже не глядя на бумаги.

Томас смотрел прямо на меня, и от этого внимательного старческого взгляда захотелось спрятать руки за спину, как в детстве, когда я уверяла его, что совершенно не представляю, кто мог разбить вазу в малой гостиной.

— О, я просто переживаю из-за дороги, — соврала я и заставила себя улыбнуться. — На всякий случай, Томас. Мало ли что может произойти по пути или после приезда. Я хочу, чтобы оба документа были переданы поверенному и зарегистрированы как можно скорее.

Он не стал спрашивать, что именно я собираюсь делать в поместье мужа такого, ради чего требовалось срочно составлять завещание. За это я была ему благодарна почти до слёз.

Томас только аккуратно убрал конверт во внутренний карман сюртука и кивнул с той серьёзностью, с какой отец когда-то принимал государственные бумаги.

— Я сам отвезу их после вашего отъезда и прослежу, чтобы всё оформили сегодня. А карету велю проверить ещё раз. Колёса, оси, упряжь и тормозной артефакт. Если вас тревожит дорога, лучше исключить хотя бы то, что можно исключить.

— Тогда будет замечательно, если завещание вообще никогда не понадобится, — ответила я, чувствуя, что улыбка на этот раз получилась почти настоящей.

Томас уже собирался уходить, но возле двери обернулся и вдруг посмотрел на меня с лёгкой печалью.

— Вы очень похожи на госпожу Джульетту, ваша светлость. Не внешностью, хотя и здесь сходство было. У неё просто тоже всегда имелся запасной план на тот случай, если первый окажется плохим.

Мне пришлось опустить глаза, чтобы он не увидел, как сильно эта случайная фраза попала в цель. Где-то среди дорожных вещей лежал единственный запасной план Джульетты, которым она сама так и не воспользовалась, и теперь я собиралась взять его в дом собственного мужа.

— Надеюсь, мне досталась хотя бы половина её здравого смысла, — произнесла я, когда уже могла доверять голосу.

Томас усмехнулся и поклонился.

— Я бы скорее пожелал вам хотя бы половину её удачи.

После его ухода я ещё несколько секунд смотрела на закрытую дверь.

До Генфера оставалось несколько часов — и там мне мог понадобиться не здравый смысл Джульетты, а её зелье.

Глава 44

Потом Лора напомнила, что карета ждёт, и мне снова пришлось двигаться, будто внутри меня действительно существовал какой-то отдельный механизм, способный вести тело вперёд, пока сама я наблюдала за происходящим со стороны.

Новое платье оказалось легче того, которое помнила моя кожа.

Модистка действительно изменила фасон: укоротила тяжёлый шлейф и убрала часть нижних юбок, оставив белый шёлк, жемчуг и почти ту же отделку возле корсажа. В зеркале я всё равно увидела женщину из другого дня, только теперь знала, как будет выглядеть эта ткань, если намокнет и облепит ноги.

Когда карета тронулась, я дождалась, пока за окном исчезнут последние дома столицы, и только тогда достала флакон. Маленькая бутылочка почти терялась в ладони. Я несколько раз повернула её между пальцами, рассматривая тёмное стекло, а потом задумалась над вопросом, который почему-то раньше казался простым: в какой именно момент человек должен решить, что настало время умереть понарошку?

Не после первой неприятной реплики.

Не после насмешки.

Наверное, даже не после ссоры.

Я собиралась использовать зелье только в том случае, если действительно пойму, что другого выхода не осталось. Эта мысль немного успокаивала. Я не ехала в Генфер умирать. Я ехала дать мужу шанс доказать, что всё произошедшее было всего лишь кошмаром, как он и утверждал.

Если Эремон окажется прав, вечером я буду смеяться над собой.

Хотелось бы, чтобы так оно и было.

Флакон я всё равно не убрала далеко.

Сначала положила рядом на сиденье, потом испугалась, что при резком толчке он скатится на пол, и сунула в небольшой внутренний кармашек рукава.

Стекло неприятно холодило кожу чуть выше запястья, но это ощущение мне почему-то нравилось. Каждый раз, когда мысли начинали возвращаться к каменным ступеням, достаточно было прижать руку к боку и вспомнить: на этот раз меня никто не лишит выбора.

Дорога оказалась значительно спокойнее, чем я ожидала. Карета покачивалась, колёса мерно шуршали по сухой дороге, а за окном медленно тянулись осенние поля и редкие деревни. Я пыталась думать о предстоящей встрече, представляла, что скажу Эремону, если всё действительно пройдёт хорошо, и в какой-то момент поняла, что уже несколько минут смотрю на один и тот же участок обивки перед собой.

Потом я задремала.

Снов не было.

Только тёмное, мягкое покачивание, в котором исчезло и поместье, и муж, и собственная смерть. Наверное, впервые за всё утро мозг просто отказался показывать мне что-либо ещё, считая, что мне этого знать не положено.

Разбудил меня крик кучера.

— Стой! Приехали!

Я вздрогнула настолько сильно, что едва не ударилась коленом о противоположное сиденье. Несколько мгновений не понимала, где нахожусь, потом увидела за окном серую каменную стену и почувствовала, как сон окончательно исчезает.

Дом я узнала сразу.

Не потому, что видела его много раз. Наоборот, в другой жизни мне хватило нескольких ужасных минут перед этим фасадом, чтобы запомнить каждую деталь. Широкая лест-

ница. Колонны. Тёмные окна верхнего этажа. Просторный двор, в котором уже стояли экипажи гостей.

И люди.

Их было почти столько же.

Грудь сжало так резко, что я не сразу смогла открыть дверцу. Снаружи уже ждали лакеи, а за ними стояли нарядные родственники и гости. Возле лестницы я увидела женщину с тростью и двумя девушками по обе стороны от неё.

Свекровь.

Ирианна.

Вторая сестра, чьего имени я так и не знала. Я вспомнила портреты на столе. Мне хватило одного из них, чтобы понять, что сон слишком похож на жизнь.

Зато я прекрасно знала их лица.

Глава 45

Тело узнало их раньше, чем я успела напомнить себе, что сегодня они ещё ничего мне не сделали.

Пальцы сами нащупали флакон в рукаве. Только убедившись, что он на месте, я позволила лакею подать руку и вышла из кареты.

На несколько секунд всё замерло.

Я даже запах вспомнила.

Сырой камень, лошади, сладость от воды, которую уже приготовили где-то поблизости, осенний воздух и чужие духи.

Свекровь улыбалась.

Именно так она улыбалась в прошлый раз. Я сделала шаг, заметила движение справа и резко повернула голову.

Ко мне шёл огромный мужчина.

Не мальчишка, как во сне.

Здоровенный детина с руками, которыми, наверное, можно было поднять половину этой кареты. В его руках была широкая деревянная кадушка, и от одного вида воды, плескавшейся возле края, у меня мгновенно свело живот.

Я знала, что произойдёт сейчас. Тело напряглось так сильно, что пальцы на юбке побелели.

Мужчина приблизился, остановился в двух шагах и неожиданно поклонился.

— Прошу простить, ваша светлость. Старый обычай рода.

Он поднял кадушку.

Я зажмурилась.

Вода обрушилась сверху. Холодная, сладкая, тяжёлая. Но деревянный край даже не приблизился к моей голове.

Мужчина держал кадушку уверенно, вылил воду одним плавным движением и сразу отступил. Ни удара, ни крика, ни мальчишки с побелевшим лицом, который не знал, куда деть пустое ведро.

Я открыла глаза.

Сёстры уже двигались ко мне с корзинами.

Сердце снова ударило о рёбра.

Ирианна набрала горсть пуха и подбросила его вверх. Белые перья закружились в воздухе, осели на волосы, плечи и мокрый шёлк. Вторая сестра сделала то же самое, но ни одна не схватила меня, не рассмеялась в лицо и не произнесла ни слова о столичных неженках.

Вокруг захлопали.

Кто-то засмеялся, но смех звучал иначе. Не надо мной — просто вместе с остальными, как смеются на свадьбах, когда происходит что-нибудь нелепое и положенное обычаем.

Я стояла посреди двора совершенно мокрая, с пухом на ресницах, и понимала, что ничего страшного пока не происходит.

Улыбнуться оказалось трудно, но я всё равно попыталась.

Наверное, со стороны лицо выглядело так, словно я попробовала лимон вместе с кожурой, но свекровь, кажется, решила не замечать.

— Благодарю, матушка, — произнесла я, заставляя уголки губ подняться ещё немного. — Это ведь на счастье, не так ли?

Её глаза чуть сузились.

Всего на мгновение. Потом улыбка стала шире.

— Разумеется, милая! Сладкая вода — для сладкой семейной жизни, а пух — чтобы достаток и счастье держались за наш дом. Теперь ты тоже знаешь.

Я знала.

Слишком хорошо.

И всё же вместо ужаса вдруг пришло облегчение.

Эремон поговорил с ними.

Это было видно хотя бы по мужчине с кадушкой. Никакого ребёнка. Никакой возможности случайно разбить мне голову. Никто не позволял себе резких шуток, никто не обсуждал моё тело и будущих детей, никто не делал вид, будто кровь на лице — всего лишь повод посмеяться.

Муж действительно сделал то, что обещал.

Мысль оказалась настолько приятной, что я почти испугалась её.

Вокруг тут же началась суета. Несколько женщин заговорили одновременно, одна из пожилых родственниц потребовала принести полотенца, а кто-то из слуг уже торопился ко мне с сухой накидкой.

— Скорее в комнаты! — распорядилась свекровь, хлопнув тростью по камню. — Нельзя же молодой герцогине сидеть за столом мокрой. Банкет начнётся через четыре часа, а её ещё переодевать и приводить в порядок.

Я позволила женщинам окружить себя.

Когда мы поднимались по лестнице, ноги всё-таки задрожали. Я узнала эту ступеньку. Почувствовала ее холодом, пробирающимся по спине.

Ведь именно здесь я упала и умерла.

Глава 46

Поднимаясь по лестнице, я всё-таки посмотрела на ту ступень, о которую разбила голову. Ноги тут же стали ватными, хотя камень сейчас был сухим, чистым и ничем не отличался от остальных.

Какая-то женщина впереди наступила на самый край каблуком, придержала юбку и спокойно пошла дальше, а у меня перед глазами на мгновение снова мелькнула собственная рука на сером камне и кровь, стекающая к пальцам.

Я крепче сжала перила и продолжила подниматься, стараясь не смотреть под ноги. В прошлый раз до дверей я так и не дошла. Тогда мне казалось, что самое страшное уже случилось во дворе, но теперь, когда распахнутый вход оказался совсем рядом, я неожиданно поняла другую вещь: дальше я вообще ничего не знала.

Во сне я так и не вошла в этот дом.

Я понятия не имела, что находится за дверями, где комнаты Эремона, кто будет ждать меня внутри и как вообще должен проходить второй день свадьбы после этой дурацкой воды с перьями.

До сих пор у меня хотя бы оставалось преимущество: я знала, что произойдёт через минуту.

Теперь оно закончилось вместе с последней ступенью, и от этого стало неприятно даже несмотря на то, что сегодняшний день пока складывался значительно лучше прежнего.

Холл оказался светлым и совершенно обычным. Слуги поклонились, кто-то сразу принял мою мокрую накидку, две женщины начали обсуждать, успеют ли высушить волосы до банкета, а потом меня повели наверх, в приготовленные для молодой герцогини комнаты.

Никто не смотрел на меня как на пленницу, никто не преграждал дорогу, и это снова заставило вспомнить слова Эремона.

Комната мне даже понравилась.

Большие окна выходили в сад, возле стены стояла кровать под голубым балдахином, перед зеркалом уже приготовили сухое платье, а на туалетном столике лежали полотенца, щётки и шпильки. Видимо, мокрая невеста после семейного обряда здесь действительно считалась обычным делом, поэтому о переодевании позаботились заранее.

Мне сняли накидку и сказали, что служанка сейчас придёт помочь с платьем. Я кивнула и дождалась, пока за женщинами закроется дверь, а потом сразу подошла к зеркалу.

Выглядела я ужасно.

Мокрые волосы прилипли к щекам, белый пух застрял возле уха и на груди, сладкая вода просочилась под корсаж и холодными дорожками стекала по спине. Платье неприятно липло к ногам, но на этот раз всё это почему-то почти не раздражало.

Потому что голова не болела.

Я подняла руку и осторожно потрогала висок. Кожа была целой. Ни раны, ни крови, ни той пульсации, от которой в прошлый раз тошнило и темнело перед глазами.

Тогда я посмотрела на браслет.

Между камнями тоже застряли белые пушинки, почти как тогда, но возле застёжки не было крови.

Я задержала пальцы на бриллиантах и почувствовала, как наконец немного отпускает.

Эремон действительно поговорил с ними.

Глава 47

Не просто пообещал мне, чтобы я успокоилась.

Он прилетел раньше и что-то изменил. Вместо мальчишки с тяжёлым ведром меня встретил взрослый мужчина, который спокойно удержал кадушку и даже предупредил перед тем, как вылить воду.

Сёстры бросали пух, но не издевались. Его мать не начала с порога обсуждать, сколько детей я обязана родить, и никто не смеялся над кровью просто потому, что никакой крови не было.

Я медленно села перед зеркалом.

А если он прав?

Мне не понравилось, насколько быстро внутри откликнулась эта мысль.

В первый раз всё началось именно с удара. Мне разбили голову, я испугалась, свекровь вместо помощи начала издеваться, я разозлилась, она разозлилась в ответ, потом вмешались сёстры, пошёл разговор о приданом, и дальше всё только становилось хуже. Сейчас первого толчка не произошло.

Может, поэтому всё и пошло иначе?

Я тут же вспомнила слуг возле кареты, руку Ирианна на своём запястье и приказ встать на колени. Нет, это уже нельзя было объяснить одним ведром. Но неприятная надежда всё равно появилась и теперь не хотела уходить.

Мне хотелось, чтобы Эремон оказался прав.

Не потому, что я вдруг решила простить его семью. И даже не потому, что мне было приятно ошибаться.

Просто тогда не придётся использовать зелье.

Не придётся лежать в гробу, ждать, пока меня унесут в склеп, потом выбираться оттуда и жить под чужим именем. Не придётся становиться Ангеликой и каждый день ждать, что настоящая кузина однажды вернётся.

И главное, мне не придётся уходить от мужа.

Вот эта мысль оказалась самой неприятной, потому что от неё внутри сразу стало тепло.

Я представила Эремона. Его лицо, когда вечером скажу ему, что он оказался прав хотя бы насчёт сегодняшней встречи. Наверное, он посмотрит на меня тем своим спокойным взглядом, слегка приподнимет бровь и ни за что не упустит возможности напомнить, что предупреждал.

И почему-то именно сейчас мне захотелось увидеть эту его улыбку.

Дверь открылась.

Я сразу повернулась, уверенная, что пришла служанка, но вместо неё увидела свекровь.

Следом за ней вошли обе сестры Эремона.

Я ещё не успела убрать улыбку, которая появилась от мысли о муже, поэтому несколько секунд просто смотрела на них через зеркало и чувствовала себя полной дурой. Сидела мокрая, с пухом в волосах, радовалась, что всё изменилось, и улыбалась тем самым женщинам, возле которых совсем недавно умерла.

Я заставила себя подняться.

— Матушка, — произнесла я как можно приветливее. — Я как раз ждала служанку.

Свекровь посмотрела на приготовленное платье, потом на меня и спокойно прошла в комнату.

— Она подождёт, — произнесла свекровь тем самым голосом, который так напугал меня во время сна. В нём не было ни капли дружелюбия. И даже намёка на гостеприимство.

И вот только тогда мне снова стало не по себе.

Глава 48

Свекровь даже не взглянула на сухое платье, приготовленное возле зеркала.

Она прошла к креслу у окна, неторопливо села и устроила трость рядом так, будто пришла ко мне не на несколько минут, а собиралась задержаться надолго.

Только после этого повернула голову к дочерям.

— Закройте дверь.

Одна из сестёр тут же подчинилась. Щёлкнула ручка, и от этого негромкого звука у меня неприятно сжался живот.

Ещё минуту назад я убеждала себя, что сегодняшний день пошёл иначе, что Эремон действительно всё изменил, а теперь снова оказалась в комнате с тремя женщинами его семьи и закрытой дверью за спиной.

Я незаметно сунула пальцы в рукав и нащупала флакон. Стекло легко скользнуло в ладонь. Я спрятала руку в складках мокрой юбки, чтобы ни свекровь, ни её дочери не увидели, что именно сжимаю, и только тогда немного успокоилась.

В прошлый раз я всё время искала глазами мужа, карету, слуг, хоть кого-нибудь, кто поможет выбраться. Сейчас мне не требовалось ждать помощи. Если всё действительно станет настолько плохо, как я помнила, у меня уже был другой выход.

Свекровь смотрела на меня долго и совершенно открыто. Перед гостями её лицо почти всё время сохраняло приветливое выражение, теперь же она не считала нужным изображать радость от появления новой родственницы. Она изучила мокрые волосы, пух на плечах, испорченный шёлк и наконец усмехнулась.

— Значит, вот как выглядит наша столичная невеста, — недовольным голосом протянула она. — Эремон столько о тебе рассказывал, что я, признаться, ожидала немного другого.

Ирианна тихо хмыкнула.

Вторая сестра осталась возле двери и сложила руки на груди, разглядывая меня с таким интересом, будто я была очередной диковинкой, которую брат зачем-то привёз из столицы. Мне очень захотелось перестать улыбаться, но лицо всё ещё помнило прежнее облегчение, и от этого я чувствовала себя особенно глупо.

— Надеюсь, вы ожидали чего-то хуже, матушка, — ответила я настолько спокойно, насколько получилось.

Свекровь слегка приподняла брови.

— Вряд ли тебя обрадует мой ответ. Я вообще была против этого брака. Изначально.

Вот теперь улыбка исчезла сама.

Я сильнее сжала флакон под юбкой, но промолчала. Женщина передо мной, кажется, именно этого и ждала. Она неторопливо провела взглядом по моему лицу и снова опустила его к мокрому платью.

— Я никогда не любила столичных девиц, — с раздражением продолжила она. — Вас слишком долго учат красиво сидеть, красиво улыбаться и красиво страдать от малейшего неудобства. Наш род всегда держался на других женщинах. Они управляли поместьями, когда мужчины уходили на войну, рожали наследников, следили за землями и не устраивали трагедию, если дождь портил платье или причёску.

Ирианна снова усмехнулась, явно ожидая, что я обижусь.

По шее в этот момент скользнула холодная капля сладкой воды и забралась под корсаж. Платье уже начало неприятно липнуть к коже, волосы тянули затылок своей тяжестью, но после того, что я пережила в прошлый раз, сегодняшнее неудобство действительно казалось почти смешным.

— Тогда, думаю, первое испытание я уже прошла, — заметила я. — Я всё ещё стою и даже не потребовала лекаря.

Ирианна перестала улыбаться.

Свекровь же посмотрела внимательнее, словно только сейчас поняла, что покорной девицы, которую можно довести до слёз несколькими словами, перед ней может и не оказаться.

— Я вижу, отвечать ты умеешь, — сказала она. — Эремону всегда нравились женщины с характером. Это даже полезное качество, если женщина понимает, когда его следует показывать, а когда лучше оставить при себе. И вот сейчас я советую тебе оставить его при себе.

Глава 49

На первый взгляд фраза могла сойти за очередную колкость, но мне почему-то сразу стало холоднее.

Ни одна сестра на этот раз не рассмеялась, а свекровь уже смотрела не на мокрое платье, а прямо мне в глаза.

— Сегодня утром мой сын прилетел сюда раньше только ради разговора о тебе, — продолжила она с какой-то обидой в голосе. — Представляешь, как я удивилась? Эремон вырос с этим обрядом. Его самого после первого полёта облили вином так, что запах потом неделю не выветривался, и он никогда не видел в подобных традициях ничего страшного. А сегодня вдруг решил объяснить собственной матери, как именно нужно встречать его жену.

Сердце тут же забилось быстрее.

Значит, Эремон действительно поговорил с ними.

До этой минуты я знала только результат.

Взрослый мужчина вместо мальчишки с тяжёлым ведром, осторожные сёстры, ни одной издевательской реплики возле кареты. Но всё равно где-то внутри оставалось сомнение: может быть, я просто слишком многое связала с обещанием мужа. Теперь свекровь сама подтверждала, что он прилетел раньше и вмешался.

Мне стало так тепло, что я на мгновение забыла, с кем разговариваю.

Он не отмахнулся от моих страхов после того, как вышел из комнаты. Не решил по дороге, что жена успокоится сама. Он действительно сделал то, что обещал.

Свекровь сразу заметила выражение моего лица.

— Приятно? — спросила она, и в голосе появилась насмешка. — Ещё не успела войти в этот дом, а муж уже летит вперёд и предупреждает родную мать, чтобы она была с тобой осторожнее. Словно это не невестка приехала, а статуэтку везут.

— Я не просила его никого предупреждать, — ответила я.

— Неужели? — в голосе свекрови слышалась издевка.

— Я рассказала мужу, чего боюсь. Что он решил сделать после нашего разговора — его дело, — ответила я, решив быть честной. Надеюсь, что честность высоко ценится в доме Генфер.

Ирианна резко выпрямилась возле стены.

— Чего ты могла бояться, если вообще никогда здесь не была?

Она почти шагнула ко мне, но свекровь едва заметно подняла руку. Ирианна замолчала сразу, хотя по лицу было видно, сколько ещё хотела сказать.

Я запомнила это движение.

В прошлый раз мне казалось, что сёстры позволяют себе всё, потому что мать одобряет их поведение. Теперь стало ясно: они не просто прислушивались к ней. Они привыкли останавливаться по одному её жесту. Значит, возле кареты всё происходило не потому, что свекровь не могла удержать дочерей. Она просто не хотела.

Глава 50

— Вот именно это меня и беспокоит, — произнесла свекровь уже мягче. — Ты никогда не была в Генфере. Со мной до сегодняшнего дня даже не разговаривала. Моих дочерей видела разве что на портретах, если Эремон вообще удосужился их показать. Но почему-то уже успела выставить нас в таком дурном свете, что мой сын прилетел сюда заранее и начал раздавать распоряжения.

Я почувствовала, как пальцы сами крепче сжали флакон.

— Какие именно распоряжения?

Свекровь усмехнулась, словно только и ждала вопроса.

— Для начала пришлось заменить человека с водой. Эремон заявил, что тяжёлую кадушку должен держать взрослый мужчина, а не мальчишка, который может случайно тебя ударить ведром. Потом попросил дочерей не увлекаться с перьями, а гостей — не задерживать тебя возле входа дольше положенного, потому что молодая жена после дороги наверняка устанет. И отдельно сообщил мне, что если ты попросишь его позвать, мне следует сделать это немедленно.

Перед глазами на мгновение снова возник здоровенный мужчина во дворе. Его руки уверенно держали кадушку, деревянный край ни разу не качнулся возле моей головы, а после воды он сразу отошёл в сторону.

Вот почему.

Эремон заменил мальчишку.

Если бы он этого не сделал, возможно, всё снова началось бы точно так же. Один неловкий рывок, удар по виску, боль, кровь, а дальше та цепочка, которая в прошлый раз закончилась ступенями.

Мне захотелось одновременно рассмеяться и заплакать.

Муж действительно изменил то, что мог изменить.

— Значит, Эремон всё-таки сделал так, чтобы этого не произошло, — выдохнула я.

Свекровь нахмурилась.

— Чтобы чего не произошло?

Я поняла, что сказала лишнее, только когда увидела, как быстро изменилось её выражение лица.

— Ничего.

— Нет уж, дорогая. — Она подалась вперёд и упёрлась ладонями в трость. — Ты только что сказала совсем другое.

Ирианна тоже перестала изображать скуку и теперь смотрела на меня с откровенным интересом.

Я отвела взгляд к зеркалу, пытаясь придумать ответ. Рассказывать им о собственной смерти я не собиралась. Эремон, судя по всему, тоже не пересказал матери всё, что услышал от меня, иначе вопроса сейчас не возникло бы.

Это почему-то успокоило.

Он мог считать мой рассказ кошмаром, мог не верить ни одному выводу о своей семье, но всё-таки не превратил мои страхи в семейную сплетню.

— Я имела в виду то, чего опасалась перед поездкой. Мне приснился дурной сон, и я поделилась им с мужем, — ответила я наконец. — Эремон решил, что мне будет спокойнее, если некоторые детали обряда изменят. Так и получилось.

Свекровь не поверила. Я поняла это сразу по тому, как она прищурилась.

— И что же именно ты ему наговорила, если ради твоего спокойствия мой сын решил впервые в жизни учить меня проводить обряд собственного рода?

Глава 51

Вопрос прозвучал слишком быстро, и я сразу насторожилась.

Свекровь уже не выглядела женщиной, которая просто решила выяснить, почему невестка испугалась семейного обряда.

Ей действительно хотелось знать, что именно я рассказала Эремону, и от этого любопытства становилось неуютно сильнее, чем от закрытой двери.

Я посмотрела ей прямо в глаза и вдруг поняла ещё одну важную вещь: Эремон не сказал им всего.

Если бы рассказал, сейчас меня наверняка расспрашивали бы не о том, чего я наговорила мужу, а о том, каким образом мне удалось заранее увидеть их лица, узнать Ирианну и описать двор, в котором никогда прежде не бывала.

Значит, он не прилетел сюда с рассказом о жене, которая утверждает, что уже однажды умерла возле их лестницы. Просто предупредил родных, что я боюсь встречи, попросил изменить несколько деталей обряда и, судя по всему, не стал объяснять почему.

Я почувствовала почти нелепое облегчение. Эремон мог считать всё произошедшее кошмаром, мог сколько угодно спорить со мной и защищать собственную семью, но хотя бы не вынес мой страх на семейное обсуждение.

— Ничего такого, что касалось бы лично вас, — ответила я, продолжая сжимать спрятанный в юбке флакон. — Мы с мужем просто поговорили перед его отъездом.

Свекровь несколько секунд молча смотрела на меня. Я почти видела, как она пытается решить, верит мне или нет, но потом женщина откинулась на спинку кресла и положила обе ладони на трость.

— Хорошо. Пусть будет так. Раз уж мы наконец остались одни и вокруг нет мужчин, я предпочитаю сразу объяснить тебе несколько вещей. Потом не хочу слушать, будто здесь кто-то чего-то недоговорил или ты опять неправильно нас поняла.

Мне не понравилось именно «нет мужчин». Не «нет гостей», не «можно спокойно поговорить», а именно это. Получалось, разговор, который она собиралась вести со мной сейчас, при Эремоне почему-то был невозможен.

Я взглянула на сестёр. Ирианна уже не скрывала довольной улыбки, вторая девушка стояла возле двери и явно не собиралась уходить. Значит, они тоже прекрасно знали, что именно сейчас произойдёт.

— Я слушаю, — произнесла я, стараясь не показать, насколько мне всё это неприятно.

— Эремон сейчас очень тобой увлечён, — начала свекровь совершенно спокойно, будто сообщала мне что-то приятное. — Молодой муж, красивая жена, вчерашняя свадьба... В этом нет ничего удивительного. Я сама когда-то была молодой и прекрасно помню первые месяцы брака. Но ты не должна путать мужское увлечение с правом менять ради себя весь его мир.

Я почувствовала, как внутри неприятно похолодело, хотя мокрое платье и без того давно заставляло дрожать.

Вот этого я боялась намного больше, чем сладкой воды и перьев.

В прошлой жизни всё время ждала, что Эремон выйдет из дома и выберет меня. Что достаточно только позвать мужа, показать ему кровь, рассказать, как со мной обращались, и всё закончится. Даже теперь, после разговора в столице, где он спокойно объяснял мне, почему не верит в злой умысел собственной семьи, какая-то часть меня всё ещё надеялась, что если однажды ему действительно придётся выбирать, ответ окажется очевидным.

Свекровь, похоже, слишком хорошо знала своего сына и потому сразу ударила именно туда.

Глава 52

— Ты стала его женой, — продолжила она. — Это значит, что теперь ты вошла в род Генферов. Не род Генферов вошёл в твою семью и не мы должны будем каждый день угадывать, что очередной столичной барышне покажется грубостью. Здесь существовали правила задолго до твоего рождения. По ним жила я, мать Эремона, его бабушка и женщины до меня. И я совершенно не собираюсь менять их каждый раз, когда тебе не понравится чья-то шутка, тон или старый обычай.

Флакон больно впился в ладонь. Я ослабила пальцы, боясь случайно раздавить стекло, и только после этого ответила:

— Если речь идёт именно о шутке, думаю, мы как-нибудь переживём друг друга. Но если мне причинят вред, я расскажу об этом мужу.

Я сама удивилась тому, насколько спокойно прозвучал голос. В прошлый раз одного её тона уже хватало, чтобы у меня дрожали губы. Сейчас я стояла напротив в мокром платье, слушала почти те же слова и не чувствовала необходимости ни оправдываться, ни доказывать, что имею право возмущаться плохим обращением.

Свекровь улыбнулась так, словно я только что сама подтвердила все её опасения.

— Слышите? — она даже повернула голову к дочерям. — Она нас оскорбляет. Она уже считает нас врагами.

Ирианна негромко рассмеялась.

Я могла бы ответить, что уже однажды видела эту семью в действии. Могла бы рассказать про кровь, приданое, слуг возле кареты и требование встать на колени. Только это всё равно ничего бы не изменило. Для неё этого не происходило, а если рассказать правду, она либо решит, что я сумасшедшая, либо ещё быстрее побежит к Эремону жаловаться на невестку.

Странно, но осознание этого вдруг успокоило.

Мне больше не требовалось, чтобы свекровь признала мою правоту.

Не требовалось убеждать Ирианну, что она жестокая, или объяснять второй сестре, почему мне неприятны её смешки. В прошлой жизни я отчаянно пыталась доказать этим людям, что со мной нельзя так обращаться, словно от их согласия зависело моё право защищаться. Сейчас холодное стекло в ладони напоминало: если всё снова зайдёт слишком далеко, я сама решу, когда разговор закончится.

Я посмотрела на свекровь и даже смогла немного улыбнуться.

— Я не считаю вас врагами. Возможно, я действительно слишком осторожна, матушка. Надеюсь, вы поможете мне убедиться, что совершенно зря, — кротко ответила я, мысленно скрипя зубами.

Ирианна тихо фыркнула, явно ожидая от матери очередной насмешки, но свекровь почему-то не ответила сразу. Её улыбка исчезла всего на секунду, зато взгляд стал таким внимательным, что я поняла: мой ответ ей не понравился.

— Умная, — наконец произнесла она, чуть прищурившись.

Я промолчала, хотя внутри уже неприятно шевельнулось предчувствие, что это был вовсе не комплимент.

Глава 53

— Что ж, тогда ты понимаешь, что ты поставила меня перед сыном в унижительное положение. В нашей семье за такие вещи принято извиняться. Ты серьезно обидела меня. И девочки тому свидетели, — произнесла свекровь.

Она кивнула, а Ирианна подошла ко мне. Вот теперь я узнала эту презрительную насмешку в глазах.

— Матушку обижать ни в коем случае нельзя! — дерзко произнесла Ирианна. — У нее слабое сердце. Но она может простить тебя за подарок. Кстати, а почему ты приехала с пустыми руками? Ты что? Нас не уважаешь?

Я смотрела на нее, вспоминая лестницу. Моя рука дернулась, вспоминая, как она схватила меня за руку.

— Мы прислали вам подарки сразу после церемонии, — произнесла я, стараясь сохранить спокойствие.

— Это не считается! — усмехнулась Ирианна. — Ты приехала сюда с пустыми руками, проявив тем самым неуважение. Ты попыталась настроить брата против матушки. И это тоже было неуважением. Так что я предлагаю тебе передать нам твоё приданое!

— Что? — удивилась я, снова не понимая, зачем такой богатой семье нужно моё приданое. Снова!

— Что слышала. Приданое, которое по праву считается твоим, должно перейти в собственность семьи Генфер! — бросила Ирианна. — Таковы правила!

— Моё приданое — моё приданое. Оно закреплено за мной по закону, — возразила я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.